

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

Юрий Манов ЭЛЬФЫ
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

Юрий Манов
Эльфы средней полосы

«ЭКСМО»

2013

Манов Ю.

Эльфы средней полосы / Ю. Манов — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68047-4

Хотите быстро разбогатеть? Нет проблем! Достаньте свинец из старого аккумулятора, в полнолуние положите его в змеиную кровь, а утром заберите золото. Много! Правда, чтобы сработало, нужно еще добавить чуточку философского камня. Но и это вполне решаемо! Смело идите в лес, ищите дупло с порталом и через него отправляйтесь в Запределье. А уж там любой маг предоставит вам искомое за не слишком навороченный мобильник или простой фонарик... Но будьте осторожны! Вблизи порталов часто бродят боевые эльфы, им очень нужны рабы хотя бы со средним образованием. И опасайтесь гномов, в их шахтах постоянно не хватает рабочих рук. Особо не советуем попадаться оркам. В лучшем случае они вас просто съедят! Не боитесь? Тогда вперед! Удача любит смелых! Но выживают умные...

ISBN 978-5-699-68047-4

© Манов Ю., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава 1	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юрий Манов

Эльфы средней полосы

Есть ведомое и неведомое, а между ними – двери.

У. Блейк

Вопреки официальной версии Джим Моррисон не сразу нашел название для группы «Doors», ставшей впоследствии легендарной. Его биографы в один голос утверждают, что название «Двери» взято Джимом из древней легенды племени Сиу о дверях между миром живых и мертвых, в которые можно войти лишь посвященным. Смущает лишь то, что у индейцев Сиу до контактов с европейцами и долгое время после одного вообще не было такого понятия, как двери...

В. Янг. «Эльфийский эпос. Миф или реальность?»

Пролог

Боб, Крапива и Лохматый

Боб ухватился за толстый сук, осторожно поставил ногу на ветку, дождался, пока та прогнется под тяжестью его тела, и ловко спрыгнул на землю. Приземлился удачно – на обе ноги. Поправил охотничью сумку, подошел к стволу древнего дуба и протянул руку Крапиве. Крапива презрительно глянула на протянутую ладонь, вдруг резко оттолкнулась ногами и спрыгнула с дерева, сделав в воздухе кульбит.

– Ловко, – не стал скрывать своего восхищения Боб, – эмансипация наступает.

– Что? – сразу нахмурилась Крапива, поправляя короткий зеленый плащ.

– Да так, ничего, это я о своем, об озерном, – сказал Боб и кивком головы указал направление. – Тут тропинка есть, минут через десять будем на месте. Если дама желает, может пройти первой.

– Спасибо, мы как-нибудь за хозяевами, – буркнула Крапива, отмахиваясь от наглой осенней мухи.

Боб снова кивнул и направился по едва заметной тропке вдоль густых зарослей кустарника. Крапива молча двинулась за ним, то и дело оглядываясь, словно впервые в лес попала. Однажды она замерла, затем молнией метнулась за сосну и застыла с зажатым в руке ножом. Но тревога оказалась ложной – крупный матерый еж, потревоженный вторжением на его территорию, соизмерил свои размеры с габаритами «вторженцев» и ломанулся с тропинки в кусты.

Боб глянул вслед колючему, потом на девушку, все еще прижимающуюся к стволу, и тяжело вздохнул:

– Да нет здесь ничего опасного, я ж говорил уже. Расслабьтесь, уважаемая. Скоро будем на месте.

Боб оказался прав, действительно, минут через десять впереди посветлело, сосны с краплениями берез расступились, и спутники вышли на крохотный, очень милый пляжик.

– Пожалуйста, озеро Беленькое, – широким театральным жестом Боб представил Крапиве озерную гладь, покрытую густой дымкой. – Прошу любить и жаловать.

Озеро было не особо большое – метров триста в диаметре. Идеально круглое, оно обильно заросло с одного берега камышом и прочей болотной травой. Со всех сторон его окружали сосны, осины и березы. Летом эта зеленая стена просто радовала глаз, но сейчас, осенью,

соцветье зеленого, красного, желтого, оранжевого и прочих цветов радуги выглядело просто фантастически. А добавьте сюда зеркальное отображение этой красы на озерной глади...

– Красиво, – после недолгой паузы сказала Крапива, – очень красиво. Не ожидала... Но к делу... И где же ваш этот... как его...

– Сейчас, сейчас, – заверил Боб, оглядываясь по сторонам, – непременно должен быть где-то здесь. Место оговоренное, и вон его лодка в камышах... А вот, собственно, и он сам.

Действительно, чуть поодаль, за большим можжевельным кустом обнаружилось едва дымящееся костровище, около которого, возложив бритую голову на прозрачную пятилитровую бутылку, мирно дрых в обнимку с двустволкой бородатый мужичок в камуфляже с нашивками лесничего. Одежда спящему заменяла старая брезентовая плащ-палатка еще советского образца.

– Вот, полюбуйтесь, – улыбнулся Боб, – золотой фонд местного охотхозяйства, краса и гордость лесничества «Мещера», господин Лохматый. По совместительству – егерь.

– А чем здесь так пахнет? – сморщилась Крапива, трогая носком мягкого сапожка еще одну пятилитровую бутылку, но почти пустую.

– «Жидкость для мытья стекол», – прочел Боб надпись на этикетке и пояснил: – А попросту – спирт. Эффективное средство, чтобы свалить с ног даже очень крепкого мужчину.

– И они это... пьют? – снова сморщилась Крапива.

– Пьют, и еще как пьют! Уж можете мне поверить! – заверил Боб и толкнул спящего сапогом. – Эй, Лохматый, проснись! Дембель проспшишь!

Лесничий что-то забормотал и попытался перевернуться на другой бок. Но Боб выбрал момент и ловко выдернул бутылку из-под его головы. Ткнувшись ухом во влажную траву, лесничий сначала замер, потом вскочил на карачки и аки зверь лесной начал озираться по сторонам. Наконец его осоловелый взгляд сфокусировался на Бобе. Тут же бородатое лицо его расплылось в широчайшей улыбке.

– А-а-аа, господин Боб. А че так рано? Я вас только завтра ждал, в воскресенье.

– В воскресенье, – передразнил лесничего Боб. – Сегодня и есть завтра, то есть воскресенье, идиот. Пить меньше надо!

Лесничий на «идиота» совершенно не обиделся, поднялся с карачек на ноги и снова широко улыбнулся, заметив Крапиву.

– О! Да к нам в гости мадам! Счастливи видеть, сударыня. Велкам! Позвольте ручку лобызнуть.

Крапива тут же спрятала руку за спину, словно опасалась, что лесничий начнет силком ее целовать, а Боб тем временем представил гостью:

– Да, Лохматый, вот госпожа Крапива к нам. По обмену и с инспекцией. Прошу любить и жаловать.

– По обмену... – мечтательно протянул лесник, – вот бы и мне к ним по обмену...

– Да куда тебе по обмену, Лохматый, – хохотнул Боб, – ты тут-то, у себя дома порядка навести не можешь, а еще куда-то собрался.

– А че не могу, че не могу?! – обиделся лесник, озираясь по сторонам. – Все у меня в порядке, все у меня готово: вот костерок, дровишки, вон рыбка в садке: окушки, щучка. Сейчас такую ушицу сварганим! Спиртик опять же очень хороший, сам проверял.

– Я уж вижу, что проверял, – усмехнулся Боб, ковыряя пустую бутылку ногой.

– Да ладно, господин Боб, вы же меня не один десяток лет знаете, – засуетился Лохматый, выкладывая в центре костровища сухие полешки «колодцем» и засовывая в середину березовой коры. – Ну притомился вчерась, вас ожидаючи, и погода не заладилась. Дошь с утра – противный такой, холодный, моросил все. И никакого клева. Ну, как тут не принять для сугреву? Как согрелся, сетишки поставил, так что уха-то будет. И вы, сударыня, давайте-ка своих зайчиков, уточек сюда, я их мигом...

Крапива презрительно глянула на лесника, молча сняла с ремня свою утреннюю добычу – двух зайцев и трех уток. Молча сняла тонкие замшевые перчатки и принялась разделять ушастых. Боб только диву давался, как у нее все ловко получается. В пару минут зайцы были лишены шкурки, освежены и нанизаны на вертела. А вот уток Крапива бросила Лохматому. Видно, считала, что ощипывать птицу ниже ее достоинства.

Боб снова усмехнулся, помянул про себя недоброе слово эмансипацию и присел на поваленный ствол старой сосны, наблюдая, как разгорается костер.

– Послушай, Боб, а почему ты называешь его лохматым? – спросила Крапива, устраиваясь рядом и отряхивая руки. – Он ведь... как это... совсем лысый.

Боб отвечать не торопился, разглядывая руки инспекторши. Ничего не скажешь, красивые руки: матовая кожа, голубые жилочки под ней, тонкие пальцы с идеальной формы ногтями, покрашенными золотым лаком. Только вот затвердевшие мозоли на большом и указательном пальцах правой руки несколько портили вид.

– Так от фамилии это, – пояснил за Боба лесник, устраивая котелок над огнем. – Фамилия наша Лохматов, вот и пошло: «Лохматый, Лохматый». А я ничего, я привык.

Крапива выслушала объяснения лесника вполуха, заметила взгляд Боба, усмехнулась и надела на большой палец правой руки золотой перстень с крупным изумрудом.

– Здесь по-другому носят, – сообщил Боб, – обычно на среднем или безымянном пальце.

– Ничего, мы как-нибудь так, по старинке. А почему озеро называется Беленькое? Из-за тумана?

– Наверное, – пожал плечами Боб, плотнее закутываясь в плащ, хотя из-за туч выглянуло солнышко, – тут часто туман, особо после дождя. А километров в пяти отсюда есть озеро Красенькое – там вода красная, торфяная. На закате – красота невероятная! Чуть севернее озеро Черненькое – мое любимое. А еще Сегденское, Уржинское, Ласковское, но это дальше, за болотами. Хотя, если честно, летом мне там не нравится, народу много, лагеря пионерские, дачи, туристы, машины. Это такие механические телеги. Шум, гам, песни ночами орут под гитары, водку пьют. А здесь красота, особенно осенью: никаких туристов, девственная природа – заповедник, одним словом.

– Да? А вон тот монстр на противоположном берегу – это тоже часть девственной природы? – не без ехидства спросила Крапива.

– Что? – Боб встал и начал пристально вглядываться в сторону, куда указывала Крапива. – Ну и глаз у тебя. Эй, господин лесничий, подь-ка сюда. Ты что же это, специально к нашему визиту еще каких гостей пригласил?

Лохматый удивленно обернулся, подошел к самому берегу и поднес бинокль к глазам. Выругался вслух. И было с чего. На противоположном берегу действительно стоял монстр. Большой, красивый, блестящий серебряными боками, на мощных, широких колесах. Из монстра выбиралась на берег шумная компания, ознаменовав свой выход хохотом, визгом и раскатами «Владимирского централа» из мощных колонок.

– Внедорожник. Японский. «Хонда», кажись, а может, и «Тойота», – сообщил лесничий. – Как сюда проехал – ума не приложу. Там есть такое место – сплошь болото. Эка, так у него над бампером лебедка. Тогда понятно. Компания – три мужика и девки две. Голые... Купаться, кажись, полезли.

Факт, что девки на самом деле полезли купаться, тут же нашел подтверждение в виде отчаянных девичьих визгов с воды и хриплого хохота с берега.

– Мне это не нравится, – сказала Крапива и встала. – Пойду, прогоню их.

– Постой, Крапива, – Боб тоже встал и мягко придержал ее за локоть. – У нас для этого есть господин лесничий. Лохматый, я верно понимаю, что здесь заповедник и эти люди нарушают закон?

– Вернее некуда, – согласился лесничий, закидывая за спину ружье и подтягивая к берегу лодку. – Вы уж, уважаемые, за ушицей-то присмотрите, ну и за остальным, а я мигом им рога пообломаю. Надо же, до чего обнаглели, в заповедник среди бела дня... Ну я им сейчас покажу...

Последнюю фразу он договаривал, уже забравшись в резиновую лодку и берясь за весла.

Боб с Крапивой снова остались одни. Крапива подошла к костру, порылась в сумке и полила заячьи тушки, начавшие румяниться, из небольшой походной соусницы. Потом снова вернулась к воде, присела, тронула ее рукой, сказала задумчиво:

– Тепленькая, даром что осень. Красиво тут у них, не ожидала. Я-то думала, здесь давно уже... пеньки одни.

Боб, не отрывая глаз от гибкой фигуры Крапивы, пояснил:

– Да нет, за природой они следят... начали следить. Вырубки контролируют, деревья сажают, пожары лесные тушат, заповедники опять же...

– Защищаешь их? – прищурилась Крапива.

– Нет, просто констатирую факт. Впрочем, смотри сама, ты ж у нас инспектор.

– Что тут смотреть? Красота да и только. Тишь да гладь. И безопасно, рай да и только. Не то что там, – и она кивнула в сторону, откуда они пришли. – Вы, озерные, всегда устраиваться умели. Живете уютно, богато.

– Кто бы говорил, – усмехнулся Боб. – А не вы ли в своих песнях, извиняюсь, балладах только и знаете, что распинаетесь о любви к вековым дубам, молоденьким березкам и прочим деревцам? В смысле, что нет ничего милее, чем девственный лес и ночлег под звездным небом. А мы как-то к воде ближе любим. – Боб шумно втянул носом воздух. – Кстати, зайчики не подгорят?

Крапива глянула в сторону костра, подошла к огню, перевернула тушки, выпрямилась, откинула рукой пепельного цвета челку. Боб снова невольно залюбовался девушкой. И было чем. Крапива была хороша, держалась прямо, походка спокойная, размеренная. На взгляд Боба, по сравнению с Крапивой всякие манекенщицы отдыхают. Опять же, соблазнительных размеров упругая грудь...

– Эх, хороши зайчики осенью, – причмокнула Крапива. – Жирненькие. Клюквенного соуса бы к ним да винца сливового.

– Пожалуйста, – Боб поспешно раскрыл сумку, выложил на расстеленную газету «Местная правда» ярко разрисованную коробку и две маленькие бутылочки.

– Что это? – удивилась Крапива, разглядывая коробку и трогая ее пальцем.

– Вино. Виноградное, сухое, «Мускат». Два литра.

– Вино? Вино в коробке? И оно не размочило бумаги?

– Там внутри... фляга такая с клапаном. Сейчас, – Боб умело вскрыл коробку и, нажав на клапан, быстро наполнил два пластиковых стаканчика. Протянул один Крапиве. – Выпей, они научились делать довольно приличные вина.

Крапива подозрительно понюхала жидкость, но все-таки сделала глоток.

– Да, неплохо... А вот в этих маленьких бутылочках что?

– Соусы. Ткемали и твой любимый – клюквенный. Советую попробовать, весьма прилично на вкус.

– Прилично? – усмехнулась Крапива. – Да что они понимают в соусах? Вот у нас дома соусы так соусы. Матушка недавно к кабану приготовила, вот это соус! Рецепту не меньше тысячи лет...

Но все-таки сняла с бутылочки крышку и попробовала соус на язык. Ничего не сказала, но по глазам было видно, что вкус ее приятно удивил.

– Тут еще много приятных сюрпризов, – заверил Боб. – Если сегодня успеем, я покажу...

Он не договорил, потому что в кустах поблизости что-то хрустнуло. Крапива вскочила на ноги, резко обернулась, нож снова блеснул в ее ладони.

– Крапива, да не хватайся ты за нож при каждом шорохе. Я же тебе говорил, тут совершенно безопасно. Дикого зверя нет и вообще...

– Кто-то идет...

– Да кому тут ходить, разве что Лохматому. А вот, кстати, и он. Странно, а почему пешком?

Лохматый, действительно, вернулся пешком и в виде весьма плачевном. Ноги – по колено в грязи, один из нагрудных карманов камуфляжа надорван, фуражка куда-то потерялась. Под левым глазом природоохранника отливало редкостной расцветки свеженабитый фонарь.

– Чего это ты пешком, без лодки? – участливо спросил Боб. – И где ружье потерял?

Лохматый молча подошел к костру, стянул сапоги, вылил из них грязную воду. Бросил сапоги тут же, в одних носках вошел в озеро, брызгаясь и матерясь, стал стирать с брюк грязь.

– Эй, Лохматый, случилось что? – уже без всякой иронии спросил Боб.

– Да ниче, – сквозь зубы процедил Лохматый, – свяжешься с вами... Это Витька Манохин – сын местного начальника ГАИ. И друг его, Пашка Сергеев – боксер, мать его, морда бандитская. Приехали на природу с девками отдохнуть, рыбку половить. Я им, мол, не положено в заповеднике, а Пашка как мне в глаз зарядит... Боксер гребаный. Ружье отняли, Витька сказал, что в ровэдэ вернут, если хорошо вести себя буду. И бинокль разбили. Че теперь делать-то?

Крапива прыснула в кулак. В этот момент на противоположном берегу что-то гулко грохнуло, и на озерной глади образовался фонтанчик воды.

– Мать их за ногу! – схватился за голову Лохматый, оставаясь по колено в воде. – Так они динамитом рыбу глушат.

Боб помрачнел, сурово глянул на Лохматого, потом на Крапиву:

– Уважаемая Крапива, у вас сентябрьская квота на сколько?

– На две особи, – нарочито равнодушно ответила Крапива и с интересом посмотрела в сторону гуляющей компании. Боб проследил за ее взглядом, повернулся к Лохматому и твердо сказал:

– А ну, пойдем за мной!

Дорогу вокруг озера вряд ли можно было назвать легкой. Да, собственно, дороги не было – спутникам то и дело приходилось продирались сквозь кусты, шлепать по заросшей болотной травой трясине, спотыкаться о торчащие из торфяника корни. Боб шел первым, порою ломился сквозь можжевельник и орешник, напоминая собой небольшой бульдозер, за ним легко перепрыгивала с кочки на кочку Крапива, замыкал шествие Лохматый, без конца что-то бубня себе под нос. К концу пути Боб совершенно разозлился – он зацепился плащом за корягу, резко дернул и вырвал из него кусок.

– Ну я им сейчас покажу, – рявкнул Боб и погрозил кулаком почему-то в сторону озера. Через пару минут они все-таки добрались до поляны.

* * *

Компания на берегу устроилась с комфортом: складной столик, заставленный красивыми бутылками и деликатесами, шезлонги, гамак, мангал. Даже зонт складной имелся, видимо, позаимствованный в каком-то кафе. И отрывались «отдыхающие» вовсю: гремели колонки «Тойоты» в открытом багажнике, трещал костер, шипело мясо на шампурах, булькала вода в котелке. Около костра сутился невысокий крепыш в спортивном костюме с закатанными рукавами. Остальные просто отдыхали. Покрытый подростковыми прыщами выюнош в явно не дешевом «Адидасе» качался в гамаке, лениво потягивая через соломинку коктейль из красивого бокала. На сучке около него болталось ружье Лохматого. Мускулистый, обнаженный

по пояс бугай лет двадцати сидел у стола в шезлонге со стаканом вискаря в руке и, щерясь, наблюдал, как две почти обнаженные блондинки, похожие друг на друга как две капли перцовки, извиваются в страстном эротичном танце с явным намеком на лесбос.

– У их самок теперь мода такая, ходить голыми? – предположила Крапива, выходя вслед за Бобом на поляну.

– Это называется топлес, – буркнул Боб, – голый верх.

– А вот эти веревочки на бедрах? – как-то очень по-женски поинтересовалась Крапива, разглядывая девушек.

– Стринги! Трусики такие модные!

– Странно, они же почти ничего не закрывают.

– Для этого и придуманы, – авторитетно заявил Боб.

Лохматый наконец выбрался из кустов, встал чуть сзади Боба:

– Вот тот, в гамаке – Витька Манохин, а здоровяк – Пашка Сергеев. Он-то мне в глаз и засветил, – наябедничал Лохматый. – А который у костра – Сашка, водитель Витькин. Но он вроде мужик нормальный, он меня и пальцем ни-ни...

– Эй, вы! Как вас там! – громко крикнул Боб.

Пришельцев, наконец, заметили. Юнец приподнялся в гамаке, ухмыльнулся, ткнул пальцем в сторону водителя и сделал пальцем вращательное движение. Шофер немедленно метнулся к машине, забрался в салон – музыка смолкла. Здоровяк продолжал сидеть в шезлонге, только отставил стакан с виски и теперь разминал пальцы, словно готовясь к бою. Девки же закончили извиваться и, не думая прикрываться одеждой, уселись в шезлонги рядом с боксером, словно собрались стать зрителями забавного представления.

– Гляди-ка, Павлуха, – хохотнул юнец, – наш терпила Лохматый – морда гоблинская братву заступаться привел. Да бабу еще! Ой, я шас от страху описуюсь.

– А они ничего, – сказала Крапива, с интересом рассматривая боксера. – Особенно этот самец. Сильный, молодой, зубы хорошие. Самки тоже приличные, тощеваты только. Но не беда, главное, что молодые. А вот дохляка придется долго откармливать. Не нравится он мне.

– О самках забудь! – сказал Боб как отрезал. – Договор забыла? А сморчка, действительно, замучаешься кормить. Может, ограничишься бугаем? Такой запросто бревна в одиночку таскать сможет.

– Эй, ты! Че сказал? Ты че? Ты кого в натуре самцом назвал? Те ваще, братан, че нада? – с растяжкой процедил сквозь зубы здоровяк, поднимаясь на ноги. – Хочешь такой же фонарь, как у Лохматого? Так я тебе мигом организую.

И боксер лениво, вразвалочку двинулся к пришедшим, поигрывая на ходу мышцами. Лохматый немедленно спрятался за спину Боба. Но Пашка, не дойдя трех шагов до компании, остановился. Рядом с Бобом он как-то сразу перестал выглядеть здоровяком. Да, может быть, в плечах боксер был чуть шире, но вот рост... Боб был выше Пашки не меньше чем на две головы. Да и Крапиву бог тоже ростом не обидел. И в глазах боксера мелькнуло что-то вроде неуверенности.

– Ой, да это ролевики, – вдруг подала голос одна из девиц, – я про них по телевизору видела. Они уходят в леса и изображают из себя... ну этих, из «Властелина колец»...

– Хоботы? – попробовала подсказать вторая девица.

– Сама ты хоботы, – отмахнулась от нее первая. – Это... как их... эльфы! Вот! Видите, плащи на них зеленые, луки. У этих даже уши острые, как в кино. Приклеенные, наверное...

– Точно, Пашк, – гоготнул Витька, – это придурки ряженные. И ушки у них приклеенные. На бээфе.

– Ушки? На бээфе? – ухмыльнулся ободренный боксер и, шагнув вперед, протянул руку к голове Крапивы, словно собирался проверить, насколько крепко «ушки» приклеены. Кра-

пива сделала полшага вперед, легонько повела плечом, и боксер... кубарем полетел в траву. Лохматый аж ойкнул.

Боксер сидел в пожухлой траве и очумело оглядывался по сторонам. По всему было видно, что он совершенно не понимал, как и каким образом оказался так близко к земле. Наконец его взгляд сфокусировался на Бобе. Тот стоял, как прежде, спокойно, со скрещенными на груди руками. Вот он враг! Видимо, Пашка представить себе не мог, что с ног его сбила хрупкая с виду девушка.

– Да ты... ты знаешь, кто я?! – зловеще прошипел боксер, поднимаясь на ноги и принимая боксерскую стойку. – Да я тебя...

Боксерская стойка не помогла чемпиону области. Крапива ударила ногой. Ударил резко, хлестко, точно в подбородок, только полы короткого зеленого плаща взметнулись. Боксер покачнулся и, как был – с поднятыми на уровне челюсти руками, медленно завалился на спину. Девки разом завизжали.

– Блин, я такое только по телику видел, – сообщил Лохматый, выглядывая из-за спины Боба.

– Эй, вы, придурки! – уже совсем без смеха крикнул Витька, пытаясь вскочить с гамака на ноги и достать что-то из кармана брюк. – Да вы знаете, кто он?! Кто я?! Да я щас звякну, братва подвалит, они вас здесь зарюют!

– Здесь мобилка не берет, – мерзко хихикнул совсем уж осмелевший Лохматый.

А Боб перешагнул через неподвижно лежащего боксера и двинулся к стоянке. Тем временем Витьке наконец удалось подняться с гамака. Вскочив на ноги, он судорожно начал тыкать пальцем в клавиши мобилки, поняв, что связи здесь нет, сунул телефон обратно в карман и под дружный визг девок схватил в руки ружье.

– Не подходи! Убью! – истерично крикнул Витька, пытаясь взвести курки.

– Послушайте, юноша, не стоит играть с огнестрельным оружием, это опасно, – очень спокойно сказал Боб, останавливаясь.

– Тебя не спросил! – крикнул Витька. – Не подходи, говорю! Сашка, заводи машину!

Боб усмехнулся и шагнул вперед, Витька вскинул ружье, но выстрелить не успел. Даже если бы и успел, вряд ли из этого получилось что-либо путное, потому что ружье он держал совершенно неправильно, по-киношному. Скорее всего, отдачей ему просто выбило бы плечо. Но выстрела не было, зато резко свистнула стрела. Витька покачнулся, выронил ружье и, держась правой рукой за плечо, медленно сполз по стволу сосны на землю. Девки завизжали еще громче, разом вскочили с шезлонгов и бросились в чащу.

– Проклятье! – буркнул Боб. – Ищи их теперь по всему лесу.

Лохматый пнул лежащего без чувств боксера ногой, подбежал к гамаку и схватил обретенное Витькой ружье. Прижал его к груди, как мать младенца.

– Что, урод, съел?! – сказал он, награждая пинком и Витьку.

– Врача... – простонал Витька.

– Перебьешься, – хихикнул Лохматый. – Да и че у тебя лечить-то?

Действительно, никаких ран и повреждений на теле Витьки заметно не было. Только легкая голубоватая дымка над левым плечом.

– Врача, Сашка, вра... – Витька не договорил, рука его бессильно упала в траву, глаза закрылись.

– Глянь, Боб, он готов, – радостно сообщил Лохматый. – Теперь не меньше часа в отключке будет валяться.

Но Боб на Витьку не глядел. Он наблюдал, как из «Тойоты» выбирается водитель и нерешительно мнет в руках фирменную бейсбольную битку.

– Брось эту деревяшку и иди за девушками, – сказал Боб голосом, не терпящим возражения. – Приведешь их сюда!

Водила глянул в сторону тоненько сопящего у сосны Витьки, на боксера, продолжающего валяться в траве, на лук в руках Крапивы. Внезапно он бросил битую в траву, развернулся и ломанулся в чащу.

– Вернется? – спросила Крапива, отправляя лук обратно за спину.

– А куда он денется? – ответил за Боба Лохматый, сгребая со складного стола бутылку с вискарем. – И девки вернутся. Тут сейчас голышом-то особо не побегаешь, не май месяц, а до трассы километров двадцать будет, не меньше. Так что... А вы с какой целью интересуетесь, дамочка?

Крапива не ответила, подошла к Витьке, внимательно его рассмотрела.

– Послушай, Боб, я бы лучше того, который за самками побежал, взяла.

– Извини, Крапива, но ты знаешь правила. Квота – две персоны в месяц. Тем более ты сама поразила его магической стрелой. Что прикажешь теперь с ним делать? Так что извини, придется тебе взять дохляка.

– Ну и ладно, – неожиданно легко согласилась Крапива, – может, даже лучше. У меня прямо руки чешутся поучить этого хама хорошим манерам.

– Смотри не переусердствуй, – посоветовал Боб, – а то вон твой крестник до сих пор в отключке. Нет, гляди-ка, зашевелился, давай-ка их свяжем на всякий случай.

– А зачем? – удивилась Крапива, доставая из колчана полупрозрачную, чуть голубоватую стрелу. – Я его сейчас стрелкой кольну.

– Магическая стрела? Первый раз вижу, – ахнул Лохматый и протянул руку. – Разрешите, уважаемая, полюбопытствовать...

Крапива презрительно глянула на лесника, вернула стрелу в колчан и сказала:

– Брось пустую болтовню и займись делом. Подтащи здоровяка к дохляку, чтобы на глазах были, и руки им свяжи. Потом иди в лес и приведи беглецов.

* * *

Пленники сидели на траве у дерева. Боксер ошарашенно пялился по сторонам и порою тер подбородок со свежей ссадиной. Витька еще не до конца отошел от укола магической стрелы и бормотал что-то бессвязное, иногда всхлипывал и вспоминал маму. Но Боб с Крапивой, удобно разместившиеся в шезлонгах, особого внимания на стенания не обращали, наслаждаясь видом озера и законными трофеями.

– Скажи, Крапива, а вот эта внезапная, внеплановая инспекция, она ведь неспроста? Особо учитывая предстоящий Большой Круг всех эльфов, – спросил Боб, протягивая даме бокал с трофейным коктейлем. Крапива бокал приняла, но отвечать не торопилась, словно тщательно обдумывала ответ. Наконец сделала глоток и сказала:

– Большой Круг тут ни при чем, Боб. Точнее, Большой Круг должен лишь узаконить некоторые изменения Большого Эльфийского Договора.

– Погоди, дай угадаю. Изменения касаются квот?

– Не только. Но в основном ты прав – квоты будут изменены.

– Ты говоришь это так уверенно, как о свершившемся факте.

– А что тебя удивляет? Ведь изменение квот – не прихоть, к сожалению, это – необходимость для народа Лесных эльфов.

– Ну да, вы, Лесные, пользуясь своим большинством, уже все за всех решили, – усмехнулся Боб.

– Не буду скрывать, решили. Большой Круг Лесных эльфов принял решение о повышении квот.

– И на сколько же, если не секрет?

– Не «на сколько», а «во сколько». В десять раз...

– Вы сошли с ума!

– ...хотя я лично голосовала за увеличение квот в двадцать раз.

– Ты всегда была максималисткой, Крапива. И ты вдвойне сумасшедшая. Ты хотя бы представляешь себе, что это значит – увеличить в десять раз? Двадцать без вести пропавших людей в месяц в одной отдельно взятой курортной зоне! И ведь вы наверняка не собираетесь ограничиваться бомжами? Наверняка будете настаивать на праве выбора при отлове.

– Конечно, будем, Боб! Или, по-твоему, мы должны ограничиться спившимися... как их... кол-хоз-никами, старичками-грибниками и бездомными, ночующими в посадках?

Боб усмехнулся:

– Колхозников давно нет, но не в этом дело. Просто представляю, как это будет выглядеть в газетах уже через месяц. «Мещерский треугольник!», «Двадцать молодых мужчин бесследно исчезли в районе Мещерских озер»! «Отряды спасателей прочесывают леса и болота, к поискам подключена армия»! «Шойгу лично руководит операцией»! Ты представляешь себе, Крапива, что здесь начнется уже через месяц?

– Шойгу? Кто такой Шойгу? Маг? Не знаю никакой Шойги. И, на мой взгляд, ты все излишне драматизируешь, Боб. Помнишь, когда в прошлый раз повышали квоты, ничего такого не было.

– Тогда была война, Крапива, – резко ответил Боб. – Тогда люди пропадали тысячами, десятками тысяч, и их никто не искал. Но война давно закончилась! И с тех пор здесь много чего изменилось, и они много чего придумали, поверь мне. Телевидение, мобильные телефоны, джипы-внедорожники, паспортный учет. Недавно, пару недель назад, две девчонки заблудились где-то на Урале, так про них каждый день по десять раз в новостях передавали, пока не нашли.

– Ха, нашли! Кто бы их там нашел?! Просто моему папаше пришлось вмешаться и напомнить Горным эльфам о квоте на молодых самок. А ты говоришь, нашли...

– Слушай, Крапива, – внезапно перебил Боб, – вот скажи мне честно, зачем вам это? Нет, я-то понимаю, что не просто так. Что, готовитесь к большой войне?

Крапива снова сделала большую паузу, потом ответила:

– Возможно.

– И, скорее всего, за Изумрудные горы?

– Экий ты прозорливый.

– Ну зачем вам Изумрудные горы? Ведь вы, Лесные, по вашему же собственному признанию, терпеть не можете гор.

– Знаешь, Боб, порою мне кажется, что я переоцениваю твои умственные способности. Конечно, Лесные эльфы не собираются жить в Изумрудных горах. Мы лишь хотим, чтобы там не жили орки. А еще лучше, чтобы там вообще никто не жил. Гномы, как ты понимаешь, – не в счет. Значит, придется воевать, штурмовать крепости. А кому прикажешь обслуживать осадные орудия? Ухаживать за лошадьми? Отсюда и новые квоты.

– Очень хочу тебе верить, Крапива, но не получается. Для обслуживания ваших камнетопов и стенобоев вполне хватает тех слуг из смертных, что есть сейчас. Да и нанять можно в том же Аррохоне. Но вам ведь не нужны обычные крестьяне, вам нужны грамотные специалисты. Молодые и сильные. Спрашивается – зачем? А не большую ли стройку задумали уважаемые Лесные эльфы?

Крапива как раз делала очередной глоток и едва не поперхнулась. Резко повернула голову и в упор посмотрела на Боба, а тот, словно не заметив разгневанного взгляда гостьи, продолжил:

– Ходят слухи, что вы действительно задумали большое строительство, поэтому вам и понадобилось столько рабочих рук. Город эльфов? Я прав, уважаемая Крапива?

– Ну, допустим, – сказала она после довольно долгой паузы.

– А как же ваши принципы? – усмехнулся Боб. – Что, Лесным эльфам надоело спать в кронах горячо любимых деревьев? Вас уже не устраивают шалаши? Вы готовы уподобиться презренным смертным и пожертвовать нашими лучшими друзьями – деревьями ради уюта и комфорта?

– Мы будем строить дома из камня, – неуверенно возразила Крапива.

– Ну, конечно, из камня... А крыши вы будете делать из гранита, мебель – из тростника, двери лепить из глины. И камины вы будете топить, конечно, не дровами.

– Пойми, Боб, это – не прихоть, это – необходимость.

– Разумеется! Кто бы мог сомневаться?! Необходимость! А не вы ли совсем недавно – ста лет не прошло, как поднимали нас, озерников, на смех по поводу постоянных жилищ? И что теперь? В Синих эльфийских лесах, в чащах, тысячелетиями не знавших топора дровосека, вырастет целый город...

– Да, Боб, – тихо сказала Крапива, – вырастет. Просто ты не знаешь, что такое засуха. Просто ты не видел, как горят в засуху леса от единственной молнии, ударившей в дерево, от случайной искры от костра.

– Я не видел? Ой, да не смей меня, Крапива! Тут в 2010-м по их календарю так горело... Слышала про верховой пожар? А про сухую грозу?

– Да, возможно, но ты не видел эльфийских женщин, которые, уже чувствуя, как трещат от огня их волосы, выбирают, что спасать – своих плачущих детей или бесценные свитки эльфийской мудрости.

– Ну, ты бы долго не выбирала, Крапива, – сказал Боб, – ты бы сразу выбрала свитки...

Боб осекся. Понял, что сказал то, чего говорить не следовало. Вряд ли стоило напоминать эльфийке о ее бездетности. Тут же что-то резко хрустнуло – Крапива сломала пополам бейсбольную битку, попавшуюся ей под руку. Сломала и отбросила обломки в сторону.

– Ты прав, озерник, я бы выбрала свитки. Детей можно еще нарожать... если получится, а свитки... И ты можешь упражняться в иронии сколько угодно, но все уже решено. Квоты на отлов в районах порталов будут увеличены, более того, наши старейшины настаивают на хотя бы одной большой облаве.

– Да, дожили, – тяжело вздохнул Боб, – облаву задумали. Душ на пятьсот? На триста? Уверен – не меньше! Что решили облавливать? Деревню? Село? Только хочу предупредить, вблизи наших порталов деревень, способных ваши аппетиты удовлетворить, нет. Так, человек по тридцать населения, да и то в основном древние старухи. На город будете нападать? Окружать целый район?

– Зачем на город? Ты сам говорил, у вас тут... много молодежи. Лагерь студенческий недалеко, называется «Полянка»? Правильно? Наши разведчики доложили – как раз сотни три молодых самцов и самок.

Боб схватился за голову:

– Духи леса отняли у ваших старейшин последние остатки разума. Хотя что с них возьмешь, увлечение синими грибами явно сказалось. Но твой отец, он же глава Совета, как он мог? Впрочем... Только ничего-то у вас не получится.

– Это почему же? – Крапива глянула Бобу прямо в глаза.

– А потому! Интересно, как ты это все себе представляешь? Ну скажи, как? Погоди, дай сам догадаюсь. Поутру на рассвете сотня боевых эльфов гвардии твоего уважаемого отца окружает студенческий лагерь «Полянка» и выгоняет всех его обитателей из домов на улицу. Вы сбиваете их в кучу и под прицелами своих луков начинаете вязать, да? Для острастки кольнете кого-нибудь из них мечом в мягкое место, чтобы сопротивляться не вздумал. Оперативно связываете им руки за спинами, потом привязываете к одной длинной веревке. За руки будете привязывать или по-старинному, за шею? Впрочем, неважно, главное – свяжете в цепь. И таким вот образом колонной погоните к порталу?

– Ну, допустим, – усмехнулась Крапива, – а чем тебе не нравится такой план?

– Да всем нравится, просто великолепный план! Только хочу предупредить, вы и ста метров не пройдете, как сюда нагрянет их милиция. Знаешь, такие крепкие мужчины в форме и с автоматами. Объяснить, что такое автомат?

– Не стоит. Я уже слышала про оружие смертных, стреляющее силой газов, и видела у отца такое же, как у Лохматого, как это... ружье? Но скажи, с какой стати эта милиция появится, если лагерь будет окружен? Они отправят гонца за помощью? Но каким образом? Или ты думаешь, кто-то сможет прорваться через цепь боевых Лесных эльфов?

– Что ты, Крапива, как можно?! Даже мысли такой не возникло, мимо вас и мышшь не проскочит, змея не проскользнет. Только есть у них одна штучка – телефон называется. И смею тебя уверить, такая штучка есть у каждого.

– Что за телефон? – нахмурилась Крапива.

– Вот это, – Боб залез в карман и вытащил «моторолку» – раскладушку черного цвета. – Берешь такую штучку, раскрываешь вот так, нажимаешь на кнопку и говоришь человеку, который находится очень, очень далеко от тебя, все, что хочешь.

– Магия? – предположила Крапива.

– Техника, – кратко пояснил Боб. – И вот с помощью этой техники они немедленно позовут на помощь. Но даже если не позовут, если даже вы заставите их пройти пешком двадцать километров и загоните в портал, представляешь, что будет?

– Что?

– А я тебе скажу что. В тот же день здесь будет очень, очень, очень много милиции. Невероятно много! А еще сходящие с ума родители этих студентов, и друзья этих родителей и студентов, и их знакомые, и знакомые знакомых. И даже совсем незнакомые люди придут сюда искать пропавших студентов. Очень много людей на машинах, вездеходах, вертолетах, просто пешком, с собаками. Все они будут искать пропавших ребят. И ведь они найдут заветный дуб. Еще бы не найти, ведь туда будет протоптана хорошая тропинка.

– Ну и что?! – Крапива отбросила бокал и вскочила на ноги. – Ну и что?! Да, найдут портал в дубе. Но первый, кто туда сунется, там и останется. Разве ты забыл про сторожевых эльфов у порталов? Они нашьпигуют любого десятком стрел...

– Ха-ха-ха, – Боб откинулся в шезлонге, тот не выдержал тяжести тела, деревянная планка вылетела из пазов, и Боб свалился в траву. Подниматься не стал, просто катался в траве и хохотал, порой выкрикивая: «Десятком стрел, нет, вы послушайте – десятком стрел!»! Успокоившись, поднялся на ноги, привел шезлонг в надлежащий вид. Уселся, уже соблюдая осторожность, глотнул вискаря из горла, отдышался:

– Десятком стрел, говоришь... А ты знаешь, Крапива, что такое автомат АКМ? А гранатомет? А напалм? Огнеметы? Установка «ГРАД»? Танк «Т-96», который пройдет сквозь ваши эльфийские леса, как нож сквозь масло, и вы со своими супермагическими стрелами, которые отскакивают от брони, как иголки от чешуи дракона, будете иметь очень бледный вид.

– Я не знаю, что за зверь твой танк, но Лесные эльфы видели немало чудовищ и сумели их одолеть... – возразила Крапива. – Но если даже твой танк сильнее аврского тролля... Тогда мы применим магию.

– Магию? Ну да, конечно, магию. Интересно, магия против танка. Чем будете его пугать? Бурей, ураганом? Так плевать ему на стихию. Он даже в болоте не увязнет, у него гусеницы. Ударите огнем? Так он железный. Стужей? В танке печка есть. Выставите против танка боевого дракона? Танк даст разок из пушки, и отскребайте чешую от скал. Пойми, здесь очень многое изменилось. Сейчас вам надо думать не о том, как набирать здесь рабов для нужд великого народа эльфов, а о том, как бы презренные смертные не забрались в ваш мир. Ты понимаешь, меня, Крапива, дочь Великого Эльфа? Неужели вы такие тупые? Неужели вы не понимаете, что за год в мире смертных меняется больше, чем за сто лет вашей размеренной, ограниченной

запретами и предрассудками жизни! Вы привыкли их видеть убогими, ущербными, спившимися в их убогих же деревеньках, а на самом деле здесь...

– Послушай, Боб! – крикнула Крапива, отбрасывая бокал в сторону. – Послушай, что ты говоришь! Ты же эльф! Но, говоря про нас, про эльфов, ты говоришь – «вы». «Вы не понимаете, вы не представляете»... Вы, вы, вы... Послушаешь тебя и подумаешь, что это говорит презренный смертный. И не просто смертный, а городской смертный.

– Да, городской, – усмехнулся Боб. – Я знаю, вы, Лесные, не любите городов, а в городах смертных – много интересного, уж поверь мне... Вот эта машина, подойди к ней, потрогай, не бойся. Знаешь, насколько она сильна? В ней двести десять лошадиных сил, представляешь? В крохотном двигателе сила целого табуна. А еще...

Боб не договорил. Кусты зашуршали, и из них появилась странная компания. Впереди шел водитель Саша с заложенными за голову руками, за ними трусили две очень грязные и поцарапанные девицы, с поднятыми руками очень похожие на сдавшихся в плен вьетнамцев из старой хроники. Замыкал процессию Лохматый с ружьем наперевес.

– Убечь хотел, – широко улыбаясь, пояснил Лохматый, подходя к костру и указывая на водителя. – Так разве от меня убежишь? Я тут каждую тропку знаю. А девки в ближайшем болоте завязли, насилу вытащил. Эй, барышни, руки-то опустите и идите к костру, погрейтесь.

Девки, чьи тела «прикрывали» лишь узкие веревочки стрингов, опасно поглядывая на эльфов, подошли к костру и стали греться, прижимая дрожащие кулачки к груди. У одной из них громко стучали зубы. Шофер продолжал стоять с заложенными за голову руками.

– Зря это вы все затеяли, – неожиданно сказал он, глядя на Крапиву. – Не знаю, кто вы такие и откуда, но с Витькой и Пашкой вы так зря. За Пашку братва впряжется, а за Витьку его папаша кому угодно голову свернет. Лишь слово скажет, и из-под земли достанут... Убить не убьют, но покалечить могут. И Лохматому теперь житья не дадут. Они ребята злопамятные.

При этих словах Лохматый вдруг громко рассмеялся, опустил ружье, подошел к столу и налил вискаря в три пластиковых стаканчика. Из одного немедленно выпил сам, два других поднес девкам:

– Вот что, мадамы, выпейте-ка и давайте в озеро, мыться. А то смотреть на вас жалко. Как помоеетесь – оденьтесь, стриптизу сегодня больше не треба.

Боб встал с шезлонга, подошел к водителю вплотную:

– Опустите руки, молодой человек, и не бойтесь, вам тут ничего не угрожает. Однако своих друзей вы вряд ли еще увидите.

Шофер бросил обеспокоенный взгляд на тела Пашки и Витьки, убедился, что поврежденный на них не видно, и сказал:

– Да не друзья они мне. Пашку так, видел пару раз, а Витька мне вроде как хозяин. Водилой я у него.

– Тогда считай, что ты получил свободу, смертный, а у Витьки теперь свой хозяин будет, – сказала, подходя поближе, Крапива. – Ты рад освобождению, смертный?

– Да на хрена мне такая свобода? Витька хоть и козел, но платил прилично. Батя у него – мент зажиточный. И по машине с ним всегда без проблемё техосмотр, мигалка, то-се...

– Вот видишь, Боб, не нужна ему свобода, – хмыкнула Крапива. – Смертные по определению – рабы.

Водитель хотел что-то возразить, но Крапива вдруг резко разжала кулак и дунула с ладони в его сторону. В воздухе закружился серебристый хоровод. Водитель покачнулся и повалился на траву.

– Баю-бай, – немедленно прокомментировал Лохматый и тут же поспешил успокоить девушек: – Не беспокойтесь, дамочки, просто заснул ваш шоферик. Утомился, видать. Да и вы сейчас заснете, чтобы лишку потом не болтали.

Девки, нарядившиеся в узкие брючки и маечки, испуганно жались к машине, глядя на приближающуюся к ним Крапиву. Та деловито высыпала на ладонь горсть серебристого порошку и дунула в сторону блондинок. Лохматый едва успел подхватить обеих дивчин, аккуратно возложил на землю, а потом перетащил в шезлонги и даже прикрыл пледами, чтобы не замерзли. Водителя он, кряхтя и матерясь, затащил в машину и усадил за руль.

– Готово! – сообщил Лохматый радостно.

– Что говорить-то будешь, придумал? – поинтересовался Боб, снова опускаясь в шезлонг.

– А че тут придумывать? Все как обычно. Часика через три они начнут просыпаться, вспоминать, че было, че не было, а я тут как тут. Им-то память про сегодня начисто снесет, ну и вправлю им мозги. На водителя протокол составляю за то, что в заповедник въехал. Взятку буду вымогать, не без того... Они, конечно, бросятся этих искать, – Лохматый кивнул на тихо сопящих Витьку и Пашку, – а мы на бережок шмотки их подложим. Пущай думают, что утонули ребята по пьяному делу. Чай, не впервой. А как же еще? Конечно, милиция понаедет, водолазов привезут, но, как говорят латиняне, не разбивши яиц, омлета не сварганишь.

– Слушай, Лохматый, а тебе их не жалко? – вдруг спросила Крапива. – Ведь твои единоплеменники, из твоего народа.

– Ха, ну вы сказанули, – рассмеялся Лохматый, – да у меня таких единоплеменников аж шесть миллиардов с лишним. Причем только один из этих шести миллиардов закатил мне сегодня в глаз. Кстати, господин Боб, вы мне своей мази не дадите? А то как же я с фингалом-то?

– Дам, не беспокойся.

– Как рабов на тот берег доставлять будем? – спросила Крапива, беря со стола и с интересом рассматривая оставленную кем-то из девушек косметичку. – На себе понесем?

Боб поморщился: слово «раб» неприятно царапнуло слух.

– Так зачем на себе? – снова нашелся Лохматый. – Вона лодка моя. Щас я их, голубчиков, раздену, одежду на бережке сложу, а самих на лодке перевезу. Вы уж только подсобите здоровяка до лодки дотащить, а уж Витьку я сам.

* * *

– Ну что, Лохматый, пора нам, – сказал Боб. – Был рад тебя снова увидеть, извини, что с этими так вышло.

«Эти» – Витька и Пашка, сидели на траве раздетые донага, связанные особым эльфийским узлом. Глаза их были мутны – действие магических стрел все еще продолжалось.

– Да какие тут могут быть извинения? Господин Боб, мы же свои люди, то есть... друзья. Не эти, так другие, что ж мы, квот, что ли, не знаем? И как раз пара, как по заказу – квота на сентябрь. И искать не надо, по лесам мотаться. А дамочка ваша мне очень даже понравилась. Боевая дамочка! Как она Пашку-то вырубил. Одним ударом – и в нокаут! Приезжайте почаще, госпожа Крапива.

– Приеду, и не раз. Надоем еще, – заверила Крапива, поднимаясь на ноги. Но не очень уверенно, бывшая легкость словно куда-то испарилась. Крапива даже покачнулась и с трудом удержала равновесие, ухватившись за плечо Боба. Хихикнула.

Боб с удивлением смотрел то на инспекторшу, то на распотрошенную коробку вина, валявшуюся тут же у костра. Крапива все-таки не удержалась и с помощью ножа добралась до ее содержимого. Эльфийские женщины, они такие любопытные. Но, видимо, случайно проткнула серебристую «подушку» ножом. Вино полилось на землю. Не пропадать же добру. Но два литра вина для организма, не привыкшего к алкоголю... Да еще коктейль с виски...

Крапива наконец сумела восстановить равновесие, повернулась к Лохматому:

– Послушай, как тебя там? Ты не хочешь продать мне твое... как его... ружье...

Лохматый быстро глянул на Боба, тот отрицательно покачал головой:

– Нет, Крапива, ты же знаешь, что это строжайше запрещено. Через портал отсюда – никакого оружия. Через портал сюда – никакой магии. Так что извини.

– Ну и ладно, не очень-то и нужно. – Крапива вытащила из сумки большую монету желтого металла и кинула Лохматому. – Эй, лесничий, держи!

Лохматый подхватил монету на лету, тут же попробовал ее на зуб. Спрятал золото за пазуху, начал мелко кланяться, прижав грязную лапу к груди:

– Премного вам благодарны, госпожа.

Эльфийка усмехнулась, повернулась к сидящим на траве Витьке и Пашке, взялась за конец веревки, резко дернула:

– Эй, рабы, чего расселись?! В сказку попали? Встали и пошли!

Когда пленники с явной неохотой поднялись, эльфийка достала нож, легонько ткнула Витьку в упитанную голую ягодицу, прикрикнула, совсем как лошадь: «Но-о!» Процессия двинулась в чашу по уже знакомой тропке, Боб хотел что-то сказать Лохматому, но, видно, раздумал, махнул рукой и замкнул колонну.

Лохматый глянул вслед уходящим, быстро наполнил пластиковый стаканчик из трофейной бутылки с виски и залпом выпил. Скривился, глянул на почти нетронутых зайцев и занюхал рукавом. Вытащил из-за пазухи монету, осмотрел ее со всех сторон, еще раз попробовал на зуб. Широко улыбнулся, почесал в бритом затылке и, крикнув куда-то в сторону: «Так я вас провожу», трусцой побежал по тропинке.

* * *

– Ну, что стоим, чего ждем? – спросила Крапива, когда пленники подошли к огромному дубу. Вместо ответа сын главного районного гаишника громко завыл, а боксер стиснул зубы и сжал кулаки.

– Вишь, как глазами-то сверкает, – прокомментировал Лохматый. – А вы их вязать не хотели. Были бы руки свободны – порвал бы всех нас, как Тузик грелку.

Крапива недобро усмехнулась, снова вытащила из ножен длинный широкий нож и легонько ткнула боксера в бок:

– Ну, быстро в дупло.

Боксер не двинулся с места, и Крапива снова кольнула, уже значительно сильнее. Пашка зарычал, оскалив зубы: по всему было видно, в дупло он совершенно не собирался.

– Подожди, Крапива, тут надо по-другому, – сказал Боб, произнес короткое заклинание и, приблизившись к Пашке вплотную, легонько ткнул его средним пальцем правой руки в середину лба. Глаза боксера сразу помутнели, кулаки разжались. Ту же операцию Боб провел и с мелко дрожащим Витьком, после чего взял у Крапивы нож и перерезал веревки на руках пленников. Те, как по команде, толкаясь и излишне суетясь, полезли в дупло, сразу засветившееся легким голубым сиянием. Боксер долез первым и глянул в портал. Протянул руку, коснувшись голубого сияния. Отдернул ладонь, потер ее и вдруг с криком: «Не ссать, братва!» прыгнул прямо в свет. Витька Манохин, увлекаемый связывающей их веревкой, исчез вслед за ним.

– Вот и все, – сказал Боб.

– Ловко, – признала Крапива и снова покачнулась, еле удержав равновесие.

Боб быстро подхватил ее и прижал к своей груди.

– Не забыл еще магии? – улыбнулась Крапива и сразу же нахмурилась, обнаружив, что находится у Боба в объятиях. Попыталась было освободиться, но тут же размякла в сильных руках.

– Так ее, так, родимую! – взвизгнул Лохматый, наблюдая за глубоким французским поцелуем, причем явно было заметно, что эльфийка данному действию совершенно не противится, скорее даже наоборот.

– Все, все, все, – пробормотала Крапива, высвобождаясь из объятий Боба. Глупо хихикая, она прислонилась спиной к стволу дуба. – Я знаю, я – скверная, я – пьяная. Хи-хи-хи... Зачем ты меня напоил, Боб?

– Послушай, Крапива, – сказал Боб, придерживая Крапиву за локоть, – перед тем, как ты вернешься домой, я хочу спросить... ты сможешь остановить это безумие?

Крапива долго не поднимала головы, потом глянула в лицо Бобу своими зелеными глазами.

– Я не знаю, что тебе сказать, Боб. Тут так сильно все изменилось... Они действительно могут вторгнуться в наш мир?

– Они вторгнутся, Крапива, уж поверь мне, вторгнутся. Они придут сюда и не остановятся на пороге портала, даже если погибнет сотня, тысяча смертных. Они пойдут в наш мир, будь уверена, заселят его, изменят его под себя. И не удовлетворятся частью наших лесов, а будут двигаться вперед, пока не достигнут края земли. Края нашей земли, земли наших предков. Не дойдет один человек, дойдет его сын, внук, правнук... Пойдут они не с пустыми руками. Даже не хочу объяснять тебе, что такое бензопила. Я видел ее в действии – жуткое зрелище! Клянусь тебе, они дойдут, несмотря ни на что... А когда кончится земля, они срубят деревья, построят корабли и поплывут под парусами, чтобы найти новые земли. Ибо такова природа смертных – идти до конца. Ты поняла меня, Крапива?

– Я поняла тебя, – тихо сказала Крапива, – подумаю... Я скажу, обязательно скажу отцу про напалм, про монстра-танк, про бензопилу... Но теперь мне действительно пора... Мужчина, посадите нетрезвую женщину, хи-хи. Прощай, Боб!

– До встречи, Крапива...

* * *

– Эх, жаль, – сказал Лохматый, когда зеленый с золотым шитьем плащ Крапивы скрылся в голубом сиянии. – Гарна дивчина!

– Что? – переспросил Боб, все еще глядя на портал.

– Дамочка, говорю, уж больно хорошая. И вся такая самостоятельная. Вот бы вам, вашбродие, такую жинку.

– Лохматый, ты забыл, я женат.

– Это вы про Машку, что ль? Ну и что ж с того? Вам, как я слышал, можно жен – сколько прокормите. Главное, чтобы детишки здоровенькими были. Как, кстати, здоровье детишек?

– Нормально, растут, скоро в школу пойдут. Я тут присмотрел одну приличную в пригороде, с экологическим уклоном. Жалко только, придется им уши подрезать, – добавил Боб, морщась. – А что делать? С такими ушами их в школе задразнят, да и разговоры пойдут...

– Это верно, – закивал Лохматый, – разговоры лишние нам на хрен не нужны. Вот, к примеру, с чего бы это меня Витька Манохин мордой гоблинской обозвал? Догадался, что ли? Али кто разболтал?

– Да нет, Лохматый, не переживай. Просто в нетрезвом состоянии уж больно ты на гоблина киношного смахиваешь. А с бодуна особенно. Даже у эльфов за порталом тобой детей пугают, я уж не говорю про местных. Ты бы поосторожнее с горячительным-то. И мылся бы ты почаще...

– Так я стараюсь, не получается, – Лохматый мерзко захихикал, подмигнул и кивнул в сторону портала. – Дамочка-то на вас запала, точно вам говорю. Эка она глазками на вас стрель-

стрель. Пренебреженно советую ее навестить, когда до дому соберетесь. А кстати, осмелюсь спросить, до дому скоро намыливаетесь?

– До дому? – переспросил Боб задумчиво. – Кто может знать, где он, твой настоящий дом? И кем будут мои дети там? Недоэльфами? Полукровками? Нет уж, лучше здесь...

– Так-то оно так... – почесал затылок Лохматый, – только сомневаюсь я, а не попрут ли сюда уважаемые боевые эльфы со своими луками да стрелами магическими, как дамочка-инспекторша страшала? Тогда ведь всем нам мало не покажется...

– Не попрут, успокойся. Я внушение Крапиве сделал по полной программе, когда она от вина расслабилась. С мельчайшими подробностями описал, как работает бензопила и трактор-трелевщик. Они ей в ночных кошмарах с месяц сниться будут, точно тебе говорю! А Крапиву на Совете слушают, все-таки дочь Самого, принцесса!

Неожиданно Боб широко улыбнулся:

– А ты, Лохматый, артист! Ты когда грязный, с подбитым глазом приперся, я аж тебя пожалел.

– Так ваша школа, господин Боб. Вы-то сами, когда по берегу шагали и плащом зацепились, у вас такой вид разъяренный был, что я даже чутка перепугался. Что вот сейчас выйдете на поляну да и порвете их к чертям.

– Зачем же я? Я всегда готов уступить эту привилегию даме...

Эльф с гоблином громко рассмеялись.

– Слышь, Лохматый, как тебе удалось такой жирный улов на озера заманить? – еще смеясь, спросил Боб.

– Так проще простого. Поехал в город, как вы советовали, к вечеру надрался и завалился в бильярдную, где Пашка со своими бандюками обычно обретается. Ну и «проболтался» про Беленькое, что здесь природа офигенная и рыбалка просто ломовая. Даже схему, как проехать, начертил. Пашка и повелся.

– Как сообразил, что он с собой Витьку возьмет?

– А то кого же? У Пашки ведь «БМВ» – «бумер» по-ихнему, ему здесь ни в жисть не проехать, а у Витьки как раз «Тойота» с лебедкой. Вот я и прикинул... Рисковал, конечно, но ведь выгорело...

– На сто баллов! – подтвердил Боб и протянул Лохматому раскрытую ладонь, тот хлопнул по ней сверху своей заскоружлой, мозолистой ладошкой.

– Так что, вашблагородь, выкупа-то много за Витьку затребуем? Денежки-то, они не помешают.

– Поглядим, – улыбнулся Боб и тут же посерьезнел: – Кстати, насчет денег. Как там у нас дела?

– Ах, да, – Лохматый хлопнул себя по макушке и полез лапой во внутренний карман. Вытащил пухлую пачку денег, протянул хозяину. – Здесь за дочку начальника стройуправления, ну ту, что в прошлом годе на озерах потерялась, за разрешение на вырубку, еще с коттеджного поселка – за год вперед, ну и так, по мелочам: елки новогодние, рыбалка удачная, дождик грибной по заказу. Можете не проверять, все до копеечки.

– На выкуп «этих» деньги оставил?

– А то как же. Я уж и зажигалок коробку закупил. Китайские, правда, но с виду как натуральные «Зиппо». За порталом хорошая зажигалка в большой цене! Хотел газовых еще перекинуть. Вот бы спрос был! Огонь из воды! Так взрываются, заразы! Прямо в портале и взрываются. Надьсь чуть не погорел. А вот партия карандашей хорошо пошла, всю взяли... Так что Витьку с Пашкой мои родичи выкупят – не переживайте. Есть у нас пара эльфов благородных, прикормленных. И еще... – гoblin замялся. – Тут «зеленые» помочь просят. Какой-то чиновник из администрации решил себе дачку в заповеднике построить, как раз на берегу вашего любимого Черненького. Уже дорогу туда прокладывать начали. Так «зеленые» просят

попугать. Очень они за девственную природу радеют. Не за бесплатно, конечно. Как, поможем, попугаем?

– Поможем, – заверил Боб, пряча деньги в сумку. – Непременно поможем и попугаем... Уж чего-чего, а попугать мы всегда сумеем.

Глава 1

Сделка

Первым делом я утер струйку крови из носа и тут же непроизвольно почесался. Впрочем, что значит «непроизвольно»? Что за слово такое нелепое «непроизвольно»? Нет, почесался я вполне осознанно и даже не без удовольствия. Сначала поскреб в боку, ближе к пояснице, потом под мышкой. Удивился. С чего бы это? Что за внезапный чес? Неужто блохи? Или, не дай бог, вши?! Бр-р-р-р, гадость какая! Не иначе как каналья Реддис снова проигнорировал мои наставления по части личной гигиены. Что касается крови из носа, так это у меня часто. Что-то с кровяным давлением не так или еще какая хрень. Чуть переволнуюсь – хлещет! Доктора ничего определенного сказать не могут, только советуют не напрягаться. Я пытаюсь – не получается.

Размазав кровь под носом рукавом и отчесавшись как следует, я огляделся. И куда это меня нынче занесло? Я стоял в центре чуть дымящейся пентаграммы на опушке леса. Не совсем дремучего, но некоторые деревца – дубы, к примеру, размерами впечатляют. Особо один, с морщинистым, заросшим мхом стволом и толстенными ветками. Наверное, примерно на таком же отдыхал перед экспроприациями былинный разбойник Робин Гуд, мир его былинному праху. Идти в такой лес ночью жутковато даже при полной луне. А луна нынче хороша, здоровенная, светится матово. Океаны и моря на ней видны несуществующие. Полнолуние – самое время для вампиров и прочей нежити. Тьфу-тьфу-тьфу...

А что у нас там, где не лес? Я развернулся, осмотрелся. Увиденное не особо порадовало. Шагах в ста, если идти в сторону города – кладбище. Как положено, с надгробными плитами, застывшими в мраморе изваяниями и мрачными склепами. Местная элита покоится. Та часть кладбища, что ближе к лесу, явно была победнее. На могилах разве что камень надгробный положен, все заросло крапивой и чертополохом, хорошо хоть, крестов нет. Не самое приятное место, признаюсь, но заранее оговоренное.

Пять толстых свечей черного воска, установленных вокруг меня, разом погасли, словно от сильного порыва ветра, пентаграмма вспыхнула и исчезла. Все, можно выходить. Привыкнув к сумраку, я обнаружил у себя под ногами потрепанную холщовую суму. Поднял, проверил содержимое на ощупь. Нашел еще одну толстую восковую свечу в глиняной плошке, трут с кремнием, тыквенную флягу с какой-то жидкостью и свиток телячьей кожи. Ага, вот свиток – как раз то, что надо. Значит, все идет по плану. Тут же на пеньке обнаружил маленькие песочные часы. Судя по количеству песка в нижней колбе, сейчас должно быть где-то около половины десятого вечера. Я специально предупредил Реддиса, чтобы он перевернул часы ровно в девять. То есть когда на городской ратуше пробьет девять раз. Очень надеюсь, что он ничего не напутал. А раз не напутал, где тогда сфера?

Я снова оглянулся по сторонам. Сферы нигде не было видно. Что за дела? С какой стати? Без сферы мне тут делать нечего. Неужели в мои расчеты ошибка вкралась? Или Сашка что-то напутал? Или все-таки Реддис? И только тут я ее заметил. Вернее, не саму сферу, а исходящее от нее голубоватое сияние в глубине леса. Придется углубляться. Ну, Реддис, ну, пройдоха! Испугался поглубже в чащу зайти. Впрочем, понять его можно. Кто знает, какая тварь может в этой чаще затаиться? Рисковать своей шкурой за других не очень-то охота. А мне вот идти надо. Страшно не страшно, а сам, если рассудить, все это затеял.

Я устроил ремень сумы на плече, сунул в нее часы. В здешних местах – вещь дорогая. Запалив свечу в плошке, двинулся в чащу. Пришлось продираться сквозь кусты. Сфера ждала меня на небольшой полянке. Очень эффектно она ночью смотрится. Этакий мяч для мотобола, если его отнять у сумасшедших мотоциклистов, выкрасить фосфорной краской и подве-

силь. Сфера мирно висела метрах в полутора от земли и светилась бледно-голубоватым светом, порою потрескивая электрическими искорками. В центре ее что-то слабо пульсировало.

Интересно, а что бы я сам подумал, увидев подобное пару лет назад где-нибудь в лесу? Сразу бы заподозрил НЛО и побежал бы за фотоаппаратом? Или вспомнил «Терминатора» и понесся куда подальше, от греха подальше?

Но эту конкретную сферу я не боюсь, эта сфера своя, «ручная». Я подошел поближе, снова почесался и развернул свиток. Найдя нужную строку, медленно и четко произнес заклинание. Сфера сработала не сразу. Сначала словно подождала, а потом ярко вспыхнула, как собирающаяся перегореть лампочка, и исчезла. Что-то с тихим стуком упало в траву. Я нагнулся, поднял. Это «что-то» было завернуто в белый пластиковый пакет с логотипом торговой сети «Копейка». Ну, Сашка, ну мудрила без буквы «р»! Он бы еще придумал все это в «дипломат» засунуть или в рюкзак. С него станется.

Я развернул пакет, вытащил содержимое, рассмотрел. Все вроде в норме – две прямоугольные коробочки. Одна побольше, вторая совсем маленькая, с кнопочками, в ладони уместится. Уложил обе в суму – на самое дно. Но что делать с пакетом? Очень бы не хотелось, чтобы этот пакет обнаружил кто-то из местных. Разговоры пойдут, слухи. Так что, сжечь его? Закопать? Хотя с другой стороны, с какой стати я так мандражирую из-за какого-то пакета? Кому взбрдет в голову шататься здесь, по ночному лесу. А утром... утром меня здесь уже не будет. По крайней мере, очень хочу на это надеяться. Так что пусть пока полежит, вот у этого пенька. Ориентиром будет на обратном пути.

Я сложил пакет вчетверо, воткнул его в щель на пне, поправил суму на плече и, продираясь сквозь кусты, двинулся обратно к опушке, а оттуда напрямик к городу. Через десять минут лес кончился, я поднялся на холм и невольно залюбовался открывшимся видом. Вот он, Аррохон. Зубчатые стены большого средневекового города с башнями, шпилями, увенчанными флюгерами, черепичными крышами в свете полной луны. Красотища! Хоть сейчас на обложку какой-нибудь металлужной группы. Но долго наслаждаться видами мне не пришлось. Со стороны города раздались гулкие удары в колокол. Так и есть – десять часов. Мне стоило поторопиться.

Торопиться же в этих чудовищах, что были надеты на мои ноги, было крайне неудобно. Нет, даже не представляю себе, какой изверг, какой палач сделал эту обувь? Представьте себе два кожаных мешка, натянутых на ноги и перевязанных ремешками в районе щиколоток. Причем мешки старые, дырявые, в них легко проникает влага, пыль и мелкие камушки. В общем, ощущения от такой ходьбы явно не для слаонервных. Одежка на мне была под стать обуви. Что-то вроде монашеской рясы с узкими рукавами и большим карманом на животе. Как кенгуру, честное слово. Ряса была старая и местами заштопанная. Плащ на мне был тоже явно не новый и с чужого плеча. Каналья Реддис, на что же он потратил денежки, которые я ему оставил в прошлый раз? Явно не на наряды и не на научные книги. Наверняка на кабаки да на бордели. Студенты, они во все времена студенты. Но хоть на обувь приличную мог бы потратиться...

В общем, кладбище я преодолел без приключений, лишь уже ближе к выходу испугался до одури. Но без всякой мистики. Просто наступил на сухую ветку, она треснула, и тут вокруг что-то затрещало, закрипело, захрипело. С трудом удержался от желания уподобиться страусу и засунуть голову в кучу песка у свежей могилы. Потом разобрался – это стая кладбищенских ворон переполошилась, сами перепугались не меньше моего.

Я перешел небольшую речушку, питавшую городской ров, по шаткому мостику, прошел вдоль штабелей кругляка из лесов Его Светлости и, наконец, ступил на большую дорогу. Вот и город, совсем рядом. Мощные зубчатые стены, окруженные глубоким рвом. Ворота, естественно, закрыты, мост поднят. И что бы в этом мире ни случилось, опустят его никак не раньше восхода солнца. Разве что Его Светлости взбрдет в голову прокатиться верхом на ночь

глядя, только это вряд ли. Его Светлость после женитьбы остепенился и ночи предпочитает проводить в обществе молодой супруги, а не дворян-собутыльников.

Но не беда, кроме ворот и моста есть еще сторожевая башня и калитка в ней. И лодочник, который всегда рад перевезти вас всего за пару медных монет. Я похлопал по тощему кошельку, подвязанному к поясу моей рясы, и обнаружил, что кошель пуст. Пройдоха Реддис оставил меня без наличности. Ужо я ему задам! Ладно, попробуем обойтись без денег, чай не впервой.

Лодочника я застал за его любимым занятием. Лодочник – вольноотпущенный гоблин по кличке Репей, торговался. И хотя городской магистрат установил твердую цену за переправу через ров ночью в два медяка, один из которых шел напрямиком в городскую казну, а второй – исполнителю работ, то есть лодочнику, Репей всегда торговался. И мне кажется, совсем не из-за жадности. Просто бывают люди с такой натурой. Ему не выгода важна, а сам процесс торга. Хотя Репей, как я уже сказал, в полной мере человеком не был, но ничто человеческое ему не чуждо. В данный момент жертвой Репья был крестьянин с женой, двумя мешками и десятком корзин. Один мешок вел себя спокойно, а второй все время двигался и издавал странные звуки. Поросенок? Скорее всего...

По всему, крестьянин вез свой товар в город – завтра как раз большой базар. Но до заката не успел. Тут уж извини, кто не успел – тот опоздал. Давай, раскошеливайся теперь. Но раскошеливаться крестьянину было нечем, здесь у крестьян с наличностью всегда плохо. И он пытался всучить Репью в виде платы за перевоз курицу. Я, признаться, в местных ценах как-то слабо разбирался. Но, кажется, именно два медяка стоила в таверне жареная курица. Или цыпленок? Точно, жареный цыпленок.

Репей одну курицу брать отказывался, хотел две, и еще две дюжины яиц в придачу, вместе с лукошком, дескать, за груз – отдельная плата. Врал, конечно, но поди докажи.

Крестьянин, высушенный солнцем жилистый мужичок в смешных штанах, похожих на трико, и таком же смешном колпаке, смотрел на лодочника, как затравленная собака, и в самом торге участия почти не принимал, лишь иногда повякивал. Торговалась его жена, толстая и некрасивая. Она совала в руки Репью пеструю курицу, указывала на ее упитанность и клялась всеми стихиями, что несется пеструшка чуть ли не круглый год. Репей ей не верил, называл курицу «дохлятиной» и везти «за такое убожество» наотрез отказывался.

Мне крестьянина было по-человечески жалко. Ну, откуда, скажите, у бедняка деньги? Ему бы по налогам расплатиться да одежду нехитрую справить. Хотя нет, здесь большей частью натуральное хозяйство преобладает. Сами ткут, сами шьют, сами носят.

По всему было видно, ночевать под открытым небом крестьянину совсем не хотелось. Оно и понятно, лес-то рядом. Зверье дикое бродит, орки недобитые, да и разбойнички пошаливают. Убить не убьют, а мешков своих крестьянин может запросто лишиться с курами и корзинами заодно.

Увидев и узнав меня, Репей радостно заулыбался.

– А-ааа, господин студент! Давненько вы нас не навещали! Что ж забываете вы нас?

– Занятий много, не успеваю, – буркнул я.

– Оно понятно, – затряс неопрятной бородой Репей. – Как же, ученье – свет. Как там в столице? Как здоровье Его Величества и ее Величества?

– Живы-здоровы, – заверил я наугад и тут же добавил: – Слушай, Репей, я что-то в дороге поистратился. Не отвезешь ли меня сегодня в долг? Я тебе завтра отдам, когда обратно пойду, честное слово.

– Так что же, господин студент, вы к нам всего на день? Ай-яй-яй, – искренне расстроился лодочник, словно не услышав моей просьбы. – В библиотеку, наверное?

– В нее, – согласился я, – есть там один очень ценный свиток, нужный мне для трактата. Так как насчет...

– Завидую я вам, господин студент. Читать умеете, мудрость из книг черпаете, – лодочник мечтательно закатил глаза к луне и после недолгой паузы проговорил: – А я ведь тоже мог бы... Меня матушка в ученики к аптекарю отдавала, между прочим... Я полгода господину Майеру порошки смешивал! И ушную серу собирал... А потом, когда батюшка мой умер, пришлось вот... тяжким трудом... война потом, плен... трое детей, а толку... на лодке...

Репья я понимал с трудом. Не все из того, что он говорит, разбирал. Репей был родом с юга и говорил с жутким горским акцентом. Нет, конечно, я в здешних акцентах совсем не разбирался, как не мог знать и этого странного языка. Это Реддис его не понимал, как мой непосредственный контактер. Ну и я вместе с ним.

Выслушав грустную тираду лодочника о несостоявшейся счастливой ученой жизни, я почесался, кашлянул в кулак и спросил:

– Так что? Перевезешь меня в долг?

– Не-е-е-ет, господин студент, – сразу повеселел Репей. – Как же можно, чтобы в долг с таким богатством?

– Ты о чем, Репей? – удивился я, посчитав, что опять не уловил смысла вопроса, и символично вывернул кошелек наизнанку.

– Как о чем, господин студент?! – сказал Репей. – Давайте начинайте рассказывать историю. Весь город рассказывает ваши смешные истории, а бедный Репей, который вас в город первым привозит, слышит их последним. Нет уж, если хотите попасть в город, извольте рассказать вашему покорному слуге Репью про блудливую графиню.

Я облегченно вздохнул. Значит, анекдоты от Трахтенберга, немного завуалированные под Средневековье в моей редакции, здесь стали весьма популярны? Кто б мог подумать? Что ж, извольте...

– Приезжает муж из командировки... То есть, возвращается доблестный рыцарь из похода в Святую землю. А его жена – графиня – в это время с любовником...

В общем, я рассказал Репью бородатый анекдот про любовника в шкафу. Только трамвай по понятным причинам заменил каретой. Анекдот гоблину явно понравился. Он ржал так, что поросенок в мешке крестьянина затих от испуга. Репей наконец перестал хохотать, вытер слезы:

– Ну, спасибо, господин студент. Ну, порадовали! В жизни так не смеялся. Очень вас прошу, господин студент, не рассказывайте эту историю больше никому. Я ее в трактире на кувшин вина поменяю, а то и на два. Прошу вас в лодку, вот здесь, на носу вам удобно будет. Я вам плащ подстелю. Эй ты, деревенщина, – крикнул Репей крестьянину уже совершенно иным тоном. – Ладно, давай сюда свою дохлятину и яйца. Господин студент согласился за тебя доплатить, а так бы ночевать тебе в лесу. Кидай свое барахло на дно и фонарь держи. И уйми свою свинью, от ее визга уши вянут.

Лодочник дождался, пока все усядутся, быстро выгреб на середину рва, ловко обогнул сторожевую башню и теперь вел лодку вдоль крепостной стены, выроставшей прямо из воды. Вблизи городская стена смотрелась очень солидно. Приличных размеров камни отесаны грубо, тем не менее, уложены очень надежно. Репей словно услышал мои мысли и, неспешно работая веслом, сообщил:

– Да, стенам Аррохона равных нет! И не думайте... Особо здесь, с северной стороны. Точно вам говорю... Во время последнего приступа горных орков... О, это было нечто... Таких уродов в жизни своей... Корову живьем... Стену эту почти две недели осадные орудия били – выдержала! Вона, видите трещины? Сюда били! А горные орки, они в делах осадных толк знают. Точно вам говорю! Хотя, говорят, это магов наших благодарить надо... Наши маги они... Господин О.Раньи! Надо же, графиня, ха-ха-ха, карету жду... Ну ты сказал – ну ты спросил... Ха-ха-ха...

Видимо, бородатый анекдотец лодочнику очень пришелся по душе. Минут через десять он, еще посмеиваясь и похихикивая, ловко причалил лодку к крохотному островку перед Северной сторожевой башней, прямо напротив «калитки», и помог мне выбраться на дощатый причал.

– Так что если надо будет куда отвезти, так всегда пожалуйста, господин студент, лодка в полном вашем распоряжении, – сказал лодочник на прощание. – Всего одна история про блудливую графиню, и буду вас всю ночь катать. А ты че расселся? – прикрикнул он на крестьянина. – Забирай свое барахло и выметывайся со своей бабой вместе!

Я размял затекшие ноги, подошел к калитке, взялся за железное кольцо с мордой льва и трижды стукнул в дубовую дверь. Минуты через две раздалися шаги, решетчатое окошко в двери откинулось, в свете факела нарисовалась чья-то бородатая физиономия.

– Кто таков? Че нада?

– Студент академии Его Величества Реддис, – ответил я как можно доброжелательнее. – К господину О.Раньи с частным делом.

– Какой еще студент? Какое еще дело на ночь глядя? – прохрипел привратник. – Вот ща возьму и не открою. Будешь здесь всю ночь...

Тем не менее окошко захлопнулось, снова затопали ножищи, видно, привратник пошел докладывать начальству. Вернулся он минут через пять, за это время крестьянин с женой сложили свое добро в кучку и теперь с надеждой смотрели то на дверь, то на меня.

Наконец загремели ключи, дверь открылась, обозначился здоровенный бородатый мужик. Он глянул на меня сурово и буркнул: «Входи давай». Пригнув голову, я прошел по длинной узкой нише и вышел в ярко освещенный костром внутренний двор, где имел удовольствие наблюдать господина ДэЭйрса, капитана ночной стражи, и собственно саму стражу, состоящую из дюжины крепких мужчин в кирасах.

Господин ДэЭйрс был по обыкновению слегка пьян. Он сидел верхом на большой бочке, одной рукой опирался на рукоятку меча, другой прижимал к себе какую-то красотку. Увидев меня, капитан сразу потерял к даме интерес и, отстранив ее, вскочил на ноги.

– Господин студент! – заорал он, принимая из чьих-то услужливых рук кувшин. – Как долго мы вас ждали! Эй, служивые, змея вам в потрох, вы что, не узнали господина Реддиса – лучшего сочинителя королевства? Господин студент, немедленно выпей вина и расскажи нам про похотливую графиню! Иначе, клянусь преисподней, арестую тебя и заключу в крепость, чтобы рассказывал эти истории мне одному!

Вот дела, подумал я, господин студент Реддис, сам того не желая, стал местной звездой. И черт меня дернул в прошлый раз развлекать народ в таверне анекдотами? Это все из-за местного пива. Что-то они в него подмешивают, какую-то травку, что сразу пробирает на словесный понос. Но отступать было поздно. Я изобразил лицом улыбку, приложился к кувшину, сделал несколько больших глотков, оценил качество вина как превосходное. Впрочем, начальник ночной стражи господин ДэЭйрс был человеком не бедным и мог себе позволить. Стражники окружили меня со всех сторон и топтались на месте в предвкушении.

– В общем, так, – начал я, – возвращается доблестный рыцарь из коман... похода в Святую землю. А жена его – прекрасная графиня в это время в покоях с любовником...

– С любовником, – хихикнул долговязый рыжий стражник, потирая потные ладони.

Капитан хлопнул его замшевой перчаткой по каске, чтобы не перебивал, и дал мне знак продолжать.

– Так вот, жена, то есть графиня, в покоях с любовником. Оба, естественно, голые.

– Голенькие, – снова захихикал рыжий дылда, но тут же наткнулся на суровый взгляд командира, осекся и посерьезнел.

– Да, вот они лежат голые, – продолжал я, – тут герольд доблестного рыцаря под окнами гудит в рог, муж входит в дом. Ну, графиня, конечно, думает, куда спрятать любовника. И спрятала в шкаф.

– Ха-ха-ха! В шкаф! – захохотал уже другой стражник, толстенький коротышка. Но, глянув по сторонам и сообразив, что это еще не конец истории и самое смешное еще впереди, пристыженно замолк. А я хлебнул вина и продолжил:

– Да, спрятала в шкаф! Доблестный рыцарь входит в спальню, а графиня кидается ему на шею и кричит: «О, мой любезный супруг! Я вас так ждала, так ждала! Я прямо чувствовала, что вы приедете именно сегодня, даже не стала одеваться!» Ну, доблестный рыцарь, ясен пень, жене поверил и тут же улегся с ней в кровать, благо, что раздевать ее уже не требовалось. И так любил ее до утра.

Рыжий стражник хотел было что-то добавить, то ли про «любить», то ли про «кровать», но, глянув на капитана, лишь заскулил в предвкушении. Поэтому я без помех смог продолжить:

– А любовник тем временем сидит в шкафу, боится выйти. Замерз голый-то. Ну и завернулся в шубу... то есть – в мантию из горностаев. И вот утром, когда доблестный рыцарь и графиня, утомившись от любовных утех, заснули, он потихоньку из шкафа вылез и пополз к окну, под которым его ждал верный конь. Но зацепился за ножку телеви... канделябр он зацепил, кончиком мантии запутался. Канделябр упал, загремел. Доблестный рыцарь проснулся. И спрашивает: «Кто это?» А любовник был не дурак и отвечает: «Я моль из шкафа». Доблестный рыцарь, конечно, удивился и спросил: «А мантию куда понес?»

Тут я выдержал театральную паузу и с выражением выдал: «Дома доем!»

Оценили! Хохот стоял такой, что даже вороны, облепившие крыши крепостных башен, с возмущенным карканьем взлетели в темное небо. А еще говорят, у военных атрофировано чувство юмора. Вот еще! Отсмеявшись над моим анекдотом, стражники принялись развлекаться с бедным крестьянином и его супругой. Для начала крестьянке велели задрать платье и показать зад, чтобы поставить на нем «печать ночной стражи» – хлопнуть по упитанным ягодицам пустыми ножнами. Крестьянину же пришлось довольно громко кукарекать петухом, «чтобы отпугнуть нечистую силу». Натешившись с деревенщиной, стражники забрали у них двух кур и тут же свернули им головы. А пока крестьянка их ощипывала и потрошила (надо же доблестной ночной страже чем-то закусить доброе вино?), стражники выволокли из мешка поросенка и, вымазав смолой, начали осыпать перьями. Оперенный подсвинок получился таким уморительным, что даже я не смог сдерживать улыбки.

Господин Дэйрс закончил объедать куриное крылышко, швырнул кости в сторону клетки, вытер жирные руки о плащ крестьянина и скомандовал:

– Эй, бездельники, хватит жрать, строиться!

Тут же повернулся ко мне:

– Привратник сказал, что ты идешь в гости к господину О.Раньи. Я вижу, ты приобретаешь в нашем городе хорошие связи. У тебя действительно к нему дело?

– Да, господин капитан. Господин О.Раньи пригласил меня по поводу одного старого научного трактата...

– Ну ты молодец, студент! Господин О.Раньи это... это великий маг и очень достойный человек. Его амулеты спасли не один десяток жизней хороших вояк, можешь уж мне поверить. Только живет далеко, змея мне в потрох, и... – капитан перешел на шепот, – и дома у него странные дела творятся. Странные и страшные.

– Так я могу пройти с вами до его дворца?

Капитан крутанул ус и хмыкнул:

– Прости, дорогой Реддис, до площади Мясников мы тебя еще проводим, а вот дальше тебе придется идти одному. Его Светлость запретил ночной страже и носа показывать в квар-

тале Магов. Да я бы и сам не пошел, змея мне в потрох. Не люблю я их штукечек-дрючек. А ну, бездельники, хватит прохладжаться! Построились! На площадь Мясников, арш!

Конечно, в боевом строю ночная стража выглядела внушительно. Впереди мерным шагом двигались три пикинера с факелами, за ними барабанщик и знаменосец со штандартом Его Светлости, потом три арбалетчика. В центре ехал сам блистательный господин ДэЭйрс в золоченой кирасе на своем прекрасном вороном. Замыкала отряд полудюжина конных стражников под командой столичного лейтенанта, вооруженная пиками и сетями.

Сзади плелись мы. Я с уже упомянутой крестьянской семьей, сгибающейся под тяжестью мешков и корзин, пара странствующих монахов в рваных плащах, да припозднившийся загулявший торговец, то и дело ощупывающий кошель на поясе. Бродить ночью в одиночку по улицам Аррохона, несмотря на указы Его Светлости и усилия магистрата, до сих пор считается делом небезопасным. Разве что идти сразу за ночной стражей. Хотя квартал Лекарей, по центральной улице которого мы шли, особо опасным не считался. Народ здесь проживал большей частью солидный, состоятельный, к порядку привыкший. Только в очень редких окошках виднелся свет, в основном же окна были наглухо закрыты ставнями. Так же тихо было и на улице Кузнецов. Только в одной кузне, размещавшейся на первом этаже крепкого дома, виднелся свет и слышался стук молота. Тут же полдюжины слуг с вышитым на груди единорогом усаживали с помощью блоков и скамеечки на веревках закованного в железо рыцаря на закованного же коня. Конь зашатался под тяжестью седока, но на ногах устоял. Стража дружно отсалютовала рыцарю, тот поднял забрало и отсалютовал в ответ. В это время из кузницы вышел кузнец в кожаном фартуке. Он быстро измерил веревочкой железный сапог рыцаря и снова скрылся в кузне. Звонко застучал молот. Интересно, с чего это кузнец решил подкалывать ночью? Цеховые правила ему не указ? Ах да, единорог – герб тяжелой кавалерии Его Светлости. А Его Светлости отказывать нельзя, несмотря ни на какие правила. А так улица Кузнецов – место мирное.

То ли дело – Веселый квартал, который начинался сразу за улицей Кузнецов. Здесь темных окон почти не наблюдалось, разве что на верхних этажах домов, где жрицы любви продавали свое тело и ласки за звонкую монету. Жрицы, которым в эту ночь не повезло, теперь стояли вдоль стен и, демонстрируя свои прелести, зазывали стражников. Но без особого успеха, господин ДэЭйрс в этом деле был строг. Сначала служба! «Первым делом, первым делом арбалеты»... все остальное – потом. А вот торговец, шедший рядом со мной, перед соблазном не устоял, быстро сговорился с молоденькой красоткой, чье платье не вмещало огромную, не по возрасту грудь, и исчез в дверях дома с красным фонарем под крышей.

Я лично на все обращения продажных чаровниц отвечал одно и то же: «Я бедный студент, у меня нет денег». Срабатывало. Правда, одна толстуха предложила взять в качестве оплаты мой плащ, а то и вовсе обслужить в долг, «чтобы не потерять квалификации». Насилу от нее отбилась...

Веселый квартал упирался прямо в площадь Мясников, или, попросту, Мясную, пожалуй, самое зловещее место во всем городе, не считая, конечно, квартала Магов. Ее главная достопримечательность – эшафот с плахой, колесом и большой виселицей на дюжину персон. Правда, сейчас виселица была почти пуста, лишь одно тело мерно покачивалось на ветру. Лицо висельника посинело, язык вывалился ниже подбородка. За что же тебя, бедолага? А, вон табличка на груди болтается с лошадиной головой и надписью под ней, теперь ясно за что. Конокрад. Что ж, поделом, ибо сказано «не укради» и «не возжелай».

Лично у меня все это – и плаха, и колесо, и эта виселица с удавленником, и сам эшафот – вызывали ужас одним своим видом. Но у доблестных стражников, по всей видимости, насчет эшафота было совсем иное мнение. Дождавшись команды своего капитана, они сгрудились вокруг «дворянской лестницы», обитой черным бархатом, деловито обсудили внешний вид казненного и затеяли спор по поводу того, какая смерть страшнее и мучительнее.

– Колесование! Колесование, говорю вам! – кипятился долговязый стражник. – Прекрасная казнь! Долго и мучительно. Когда палач раздробит преступнику все суставы своей палицей и начнет растягивать кожаными ремнями, тот орет так, словно его заживо жарят в аду.

– А я говорю – подвешивание! – не соглашался толстяк. – Когда подвешивают на крюк за ребро или за подбородок, даже самый мужественный воин стонет как ребенок.

– О нет, господа, смею вас уферить, нет нитшего страшней шелесный клетка на Большой Башня, – вдруг заявил лейтенант, судя по выговору, уроженец северного Атара. – О, да! Таше самый мутшительный смерть на эшафот – цфетошшки по сравнений с мутшений на Большой Башня. О да! Мошете мне ферить! Я это фитеть сфои глаза! Фот где ушас! Преступник разтефать донага, и палач потфешифать его на цепь в шелезный клетка на Большой Башня. А штоп преступник не фстумать прекратить свой стратаний – распить голофа о прутья, или грысть фена, его рук и ног прикофыфать. О да! Как кофорить наш слафный королефский прокурор: «Преступник должен испить чашу стратаний до дна!» Эшафот – больно, но быстро! Башня – напрогифф, долго и безумно мутшительно! Верите мне, крики преступник из шелезный клетка слышать на целый кфартал! Он мошет мутшица тфе и таше три неделя! О да! Слово тфо-рянина! Единсфенно, што плохо в этой казнь – пригофоренный так истошно критшать, што нефозможно заснуть ночь. Ее фелитшество как-то пошшалофаться королевский прокурор, што крики пригофоренных мешать ей спать. Да!

– Ерунда! – вдруг подал голос капитан ДэЭйрс. – Все это ерунда, господин лейтенант! Самая страшная казнь не в железной клетке и не здесь, – он указал на эшафот. – А вон там!

Все обернулись в сторону, куда указал капитан. Я тоже глянул. Вроде ничего страшного не видно, разве что в конце совершенно пустынной площади виднелась скульптура. Глиняный человек с фонарем указывает рукой в сторону квартала Магов. Ну и что? Какую казнь имел в виду доблестный капитан ДэЭйрс? Черт, неужели это правда? Эти слухи, что великий маг О.Раньи превращает своих врагов и нерадивых слуг в истуканов и заставляет их вечно указывать дорогу к его дому?

– Что ж, господин студент, передайте мои искренние пожелания здоровья и дальнейшего процветания господину О.Раньи, – сказал капитан важно, приложив руку к краю своей великолепной шляпы. – Скажите, что его заговор на кирасу, что я купил у него накануне праздника Всех Святых, действует превосходно, на днях собираюсь заказать у него новый заговор для меча.

Тут же он выпрямился в седле и скомандовал:

– Стража, стройся! Пошевеливайтесь, бездельники! На площадь Оружейников – арш!

Барабанный бой медленно удалялся, пока не затих в узких улочках этого города. Я остался у эшафота один, если не считать того бедолагу, что продолжал болтаться в петле.

Не лучшая, согласитесь, компания. Глянул на истукана, указывающего направление, куда мне двигаться, и поежился. Почему-то очень не хотелось идти ночью в квартал Магов... Господин О.Раньи не мог назначить встречу в каком другом месте? Или днем? Хотя нет, не мог. Такие дела делаются только ночью и только в полнолуние. Так что выбора у меня не было, придется идти в этот чертов квартал.

Около истукана я на минуту остановился, осветил факелом его лицо. Нет, все-таки не похоже, чтобы это когда-то было живым человеком. Грубые, словно вырубленные топором в колоде черты лица, «слепые глаза», узкая щель вместо рта. Точно, болтают!

И вдруг... Может быть, это ветром огонь факела колыхнуло или просто показалось мне, но глаза истукана открылись. Всего на миг. И такая мука была в этих глазах... Я подхватил суму и быстро, чуть ли не бегом двинулся в глубь квартала.

Про квартал Магов вообще ходила дурная слава. Оно и понятно, что может быть хорошего в квартале, сплошь населенном магами, колдунами, ведьмами, упырями, чернокнижниками и прочей нечистью? Говорят, что старый герцог однажды даже собрался выселить их всех

из города подчистую, но тут под стены города явились горные орки со своими камнебитными машинами. И только благодаря совместным усилиям местных магов стены города выдержали, а ночью... Ночью в стан орков на охоту выходили вампиры. Обескровливать, так сказать, врага... А потом жаловались, что черная орочья кровь вызывает жуткую изжогу. Но мне кажется, болтают. Не насчет изжоги, а насчет выселения. Что ни говори, а налогов с городских магов Аррохона собирается достаточно, чтобы содержать тяжелую кавалерию Его Светлости. Далеко не каждый вельможа и даже не каждый король в Средиземье может позволить себе регулярную армию, тем более – рыцарскую кавалерию. Так что ссориться с магами у Его Светлости резона никакого нет. Опять же, во время засухи кто тучи с северных гор пригнал?

При ближайшем рассмотрении Квартал Магов оказался не так уж и страшен, как про него болтали. Конечно, драконы, гарпии и прочие крылатые фигуры, украшавшие фасады зданий, смотрелись жутковато в сумраке, освещаемом лишь лунным светом и голубыми фонарями. Однако и дома здесь были большей частью приличные, трехэтажные, и народ на улицах имелся. Причем вполне живой народ, а не бродячие трупы и упыри, как меня пугали. Почему-то чаще всего встречались женские фигуры в накидках. Они неслышно двигались вдоль стен, явно не желая, чтобы их узнали, и так же неслышно исчезали за дверями, над которыми тускло светили голубым фонари. Все ясно, местные дамы пытаются устроить свою судьбу с помощью магии. Или служанка чья-то за колдовским снадобьем для своей госпожи пришла. Один раз мне даже пришлось посторониться и прижаться к стене. Четверо слуг несли шикарный паланкин, вышитый герб на котором был задрапирован черным бархатом. Не иначе как вельможная дама решила лично пообщаться с магами, но светиться особо не желает.

Очередной истукан стоял у входа таверны «Веселый петух» и указывал рукой в сторону узкого переулка. Стоп, что-то здесь не так. Во-первых, в прошлый раз, когда в ожидании мага я перебрал местного пива и веселил народ анекдотами про «блудливую графиню», никакого истукана здесь не было. А во-вторых, ну не может такой знатный вельможа, как господин О.Раньи, жить в таком убогом переулке. Но с указателем не поспоришь, и я пошел в сторону, куда показывал истукан.

Миновав узкую улочку, где едва ли смогли разминуться двое крупных мужчин, я остановился перед... даже не знаю, как это назвать. Вы в самолетах летали? Так вот, это очень походило на проверочную рамку в аэропорту. Ну, которая верещит, если с каким металлом идешь. Часы там, или пряжка на ремне. Только эта была в виде арки и светилась голубым цветом. Я потрогал арку рукой и почувствовал покалывание, как от сферы. Попробовал в арку войти, но не смог. Очень странное ощущение, вроде собираешься войти в арку, а она тебя не пускает. Воздух в проеме арки был словно резиновый, слегка поддавался под давлением и тут же выпихивал обратно. Я попробовал пару раз пройти в арку, даже с разбега попытался – не получилось. Потер ушибленную грудь. Что ж, великий маг предупреждал о чем-то подобном. Я вытащил из сумы свиток, прочитал заклинание и вошел...

* * *

...вошел в арку и попал на довольно большую площадь. Нет, этой площади здесь быть не могло. Никак не могло! По всем законам материи и пространства. Я же ясно видел с той стороны арки, что эта узкая улочка тянется еще метров на пятьдесят. А тут – целая площадь!

Я робко прижался к стене какой-то башни и стал озираясь, соображая, куда дальше идти. Вид у меня был, наверное, придурковатый. Я пялился по сторонам и вертел головой, как деревенщина, которая приехала в большой город из совсем глухой дыры на телеге и вдруг увидела троллейбус. Но никаких троллейбусов здесь не было. Здесь были маги. Конечно, на них не было написано, что они маги, но по соответствующим одеяниям, мантиям, расшитым звез-

дами, широкополым шляпам со светящимися шариками на кончиках колпаков можно было догадаться об их профпринадлежности.

Украшением площади было странное каменное сооружение, чем-то похожее на Стоунхендж. Но в отличие от английского аналога, эти камни были не такие массивные, зато полностью замыкали круг. И вот из этого круга, из проемов, образованных голубоватыми камнями, группами и поодиночке выходили маги. Один из них – высокий, тощий старик, выйдя из «Стоунхенджа», подошел прямо ко мне, громко чихнул, достал откуда-то из-под мантии небольшую палочку со светящимся шариком на конце и взмахнул ею. Тут же около него возникло что-то вроде торгового прилавка. Широкий деревянный стол, заставленный фигурками вроде как из глины. Наверняка не совсем простыми фигурками, разве станет маг простыми глиняными свистульками торговать? Да это ж солдатики! Натуральные солдатики, только не оловянные, а из глины. Что там у китайцев было? Терракотовая армия? Очень похоже. Прикинувшись покупателем, я подошел к прилавку поближе и даже протянул руку, чтобы взять весьма натурально вылепленного лучника высотой с сигаретную пачку. Но не успел я его коснуться, как... У меня на глазах фигурки на столе стали шевелиться, словно спортсмены-легкоатлеты разминались перед стартом. А тот самый лучник, которого я хотел рассмотреть поближе, зло глянул на меня и натянул лук.

– Шли бы вы дальше, юноша, – проскрипел старик, щелкнув лучника пальцем по миниатюрной каске. – Этот товар явно не для вас. Я вижу, вы студент, а здесь необходимо посвящение в боевую магию третьего уровня. У вас оно есть?

– Мало ли что у меня есть, – пробурчал я, но от стола отошел. Очень нужны мне были его солдатики, тут вон вокруг сколько разной всячины...

В отличие от остальных площадей города, безлюдных в это время суток, на площади вовсю шел торг. Но какой-то странный, тихий торг. Покупатели молча стояли напротив продавцов и смотрели им в глаза. Да, магам и колдунам слова обычно не нужны. Хотя и не знаю, кому и зачем мог понадобиться такой товар? Большинство прилавков было завалено всякой гадостью: связками летучих мышей и высушенных змей, черепами и костями животных (и не только животных, если вспомнить тот скелет, что стоял в нашем школьном кабинете биологии), какими-то отвратительными на вид кореньями, грибами и цветами с удивительным, странным запахом. А также чучелами чудищ, сталкиваться с которыми у меня желания не было решительно никакого. Хотя насчет чучел я поторопился. Это были не совсем чучела. У меня на глазах сгорбленный старик с огромной бородавкой на носу, рекламируя свой товар, полил валявшееся на столе чучело паукообразной твари из склянки с черной жидкостью. Жидкость запузырилась, паук тут же ожил, зашипел и начал дрыгать длинными суставчатыми лапами. Фу, какая гадость!

Отойдя от греха подальше от опасного прилавка, чуть было не налетел на крупного мужчину в трико и красном колпаке, полностью закрывающем лицо. Лишь глаза его тускло сверкнули в узкой прорези странного головного убора. Мужчина сурово на меня глянул, буркнул что-то недружелюбное и начал выкладывать на прилавок из большой корзины свой товар. Ну и товарец, скажу я вам: связка веревок, заканчивающихся эшафотным узлом и петлей, ржавые кандалы, длинные пряди волос и... Тут меня чуть не вывернуло. Палач – а это был, без сомнения, городской палач, – спокойно выкладывал на стол отрубленные руки, вырванные языки и что-то еще из человеческих потрохов. Все ясно, отрубленная рука вора – лучший амулет для представителя этой древней профессии. А уж какой силой обладает веревка повешенного, если правильно ее заговорить, не мне вам объяснять...

– Что, парень, хочешь приобрести? – хрипло спросил палач, демонстрируя чью-то отрубленную ладонь. – Бери, не пожалеешь. Это рука Кусаки, а тот первый щипач был на всю округу, пока ко мне не попал, ха-ха-ха...

По-видимому, палач признал во мне начинающего вора. Я, как лошадь, замотал головой и попятился, словно палач собирался меня догнать. Но палач быстро потерял ко мне интерес, потому что к нему подошел какой-то щуплый малый в сером плаще и почти без торга купил ту самую руку. Довольный палач подбросил на ладони монеты и собрался положить их в кошель на поясе. Но такового там не оказалось. Палач сорвал с головы колпак и рванулся, едва не опрокинув прилавок, за щуплым. Тот, заметив погоню, немедленно дал стрекача. Чем все закончилось, я так и не узнал, потому что кто-то дернул меня за край плаща.

– Эй, парень, хочешь сыграть или узнать свою судьбу? – услышал я голос откуда-то снизу. Под статуей, прямо на брусчатке мостовой сидел слепец. Откуда он тут появился – понятия не имею. Могу поклясться, еще минуту назад его здесь не было. Перед слепцом стоял небольшой деревянный бочонок, на котором белели игральные кости.

– Я бедный студент, у меня денег нет, – ответил я привычно.

– Тогда сыграем на часы, что у тебя в суме, – предложил слепец.

– Откуда ты знаешь, что у меня в суме? – удивился я.

– Я слеп, но не глух, – улыбнулся слепец. – Я даже слышу, как сыплются песчинки в колбах твоих часов.

– Ну, допустим, а что поставишь ты?

– А вот, – слепец вытащил из-под плаща холщовый мешочек и вытряс из него кучку костей. Судя по виду – куриных.

– И эти кости – твоя ставка? – засомневался я.

– Кости? Ты сказал кости? – удивился слепец. – Это не совсем кости, вот смотри.

Слепец взял на ощупь одну из костей, положил на ладонь, погладил ее и вдруг с хрустом переломил пополам.

– Уффф, – вдруг громко выдохнул... истукан и опустил руку с фонарем. Другая рука продолжала указывать в сторону дома господина О.Раньи.

– Что, Сибба, тяжело быть чучелом? – участливо спросил слепец.

– Слов нет, как тяжело, – раздалось из щели, обозначающей рот истукана, – особо когда рука затекает.

– Так надо было думать о последствиях, когда поешь частушки о магах Аррохона и особо о мэтре О.Раньи. Я ведь предупреждал, – хихикнул слепец.

– Предупреждал, кто спорит. Надо было думать, – со скрипом кивнул головой истукан, вдруг резко поднял руку с фонарем над головой и замер. Косточка вспыхнула в ладони мага бенгальским огнем и исчезла.

Я был ошарашен. Вот тебе и слухи...

– Это так, мелочь, – пояснил слепец, показывая другую косточку, – а вот заклятие, которое заключено здесь, даст вам власть над любым слугой мага О.Раньи. На целую минуту! А знаешь, что может произойти всего лишь за одну минуту?

Я знал, футбол, хоккей посматриваю, а уж баскетбол и подавно.

– Хорошо, давай сыграем, – согласился я, прикидывая, что часы мне, в общем-то, уже и не нужны. Слепец снова улыбнулся, быстро сгреб кости в ладонь и опустил их в глиняную чашку. Погремев костями, он выбросил их на бочонок. Тройка и пятерка, не самый плохой бросок.

– Восемь! – сказал я громко и, собираясь сделать бросок, присел перед ведром на корточки. Взвесил кости в руке. Тяжеленькие, гладкие. Положил их в чашку, покрутил, бросил. Выпало пять и единица. Причем кубик с единичкой подкатился прямо ко мне, к самому краю днища бочонка. Ткни его чуток пальчиком, он перевернется на шестерку, и ты – победитель. Но я костей трогать не стал. Выпрямился и с горечью признал свое поражение.

– У меня шесть. Что ж, ты выиграл, часы твои, – сказал я и протянул слепцу спаянные стеклянные колбы в рамке.

– Ой, какие мы честные! – восхитился слепец. – А чего ж единичку не перевернул? Хотел ведь? Знаю, хотел! Только не стал.

– Ну не стал, – признал я, сразу засомневавшись, что слепец настоящий.

– И правильно, что не стал. Кости эти заговоренные, обмана в игре не терпят. За обман можно и в истуканы попасть на долгий срок, – и слепец показал большим пальцем себе за спину. – Ладно, будем считать, что игры не было, а был торг. Вот, возьми заклятие, а часы поставь сюда, на бочонок. И переверни, пусть песок сыпется. Поверь мне, нет ничего лучше, как слушать течение времени.

Пожалуй, и мне стоило вспомнить о времени. Господин О.Раньи не терпел опозданий.

* * *

Ворота дома господина О.Раньи охраняли два истукана с алебардами. Они сурово смотрели прямо перед собой, хмуря каменные брови. словно намекая, что стоит трижды подумать, прежде чем сюда войти. Я подумал, но вошел, благо ворота были открыты. И тут же увидел новых истуканов. Их было много, очень много. Они стояли в две шеренги вдоль широкой дороги, вымощенной зеленоватого цвета камнем, одной каменной рукой держа фонари над головой, другой указывали на двери дома. Вот спасибо, а то бы без вас не догадался, куда идти. Подойдя к фонтану, в центре которого огромный бронзовый кит выбрасывал вверх водяные струи, я все-таки остановился, чтобы рассмотреть дом великого мага. И было на что посмотреть!

Я и до этого знал, что великий маг господин О.Раньи очень богат. Но теперь мне стало ясно, что он очень, очень, очень богат. Безумно богат! Только очень, очень, очень богатый человек мог иметь такой дом в Аррохоне. Даже не дом, дворец! Огромный дворец с садом и фонтанами. Подобную роскошь здесь мог позволить себе разве что герцог. Только больно уж мрачным казался этот дворец снаружи. Эти колонны, нависающие балконы, узкие окна-бойницы просто давили. По краям дворца возвышались башни с круглыми крышами-куполами. Да, на мой взгляд, весьма спорное архитектурное решение, хотя, возможно, у великого мага там обсерватория или еще что.

К дверям дворца вела широкая лестница с перилами. Кажется, из мрамора. У солидного вида дверей замерли еще два истукана в ливреях дворецких. На ливреях вышит герб господина О.Раньи – змея, сжимающая в пасти золотой ключ. Вот интересно получается, на гербе у мага ключ, а сами ключи он большей частью игнорировал. По крайней мере, ни в воротах, ни в парадных дверях дворца я никаких замочных скважин не заметил. А впрочем, зачем магам замки? У них для этих целей заклинания есть. И, по всей видимости, сейчас эти заклинания были сняты – двери во дворец были не заперты. Поскольку истуканы в ливреях распахивать их передо мной не спешили, пришлось открывать самому. Я не гордый, толкнул дверь и вошел во дворец.

Вот черт! Никого! Не иначе как великий маг вообще предпочитает обходиться без слуг. Истуканы не в счет. Я стоял в центре почти квадратного зала и озирался по сторонам. Благодаря свечам, в обилии расставленным в многочисленных канделябрах и большой круглой люстре под потолком, в зале было довольно светло. Но и это не помогало решить вопрос, а куда, собственно, идти дальше? Где искать мага? Тут одних дверей полдюжины, да еще лестницы наверх. Я подумал и протянул руку к ручке самой большой двери. Но у меня на глазах ручка изогнулась и, вмиг обернувшись змеей, чуть было не вцепилась мне зубищами в палец. Я отпрыгнул, как ужаленный.

Вот так дела! Никак не ожидал я от великого мага такой подляны!

И тут я увидел кота. Огромный черный кот неслышно спустился по лестнице, сел в паре шагов от меня и сделал пару умывательных движений лапой. Потом вдруг поднял морду, гля-

нул мне в глаза, громко сказал: «За мно-о-о-оуй» и побежал вверх по лестнице. Мне не осталось ничего другого, как последовать за животным.

Честно говоря, после всего увиденного я ожидал, что маг О.Раньи встретит меня как-то особенно. Почему-то представлялся огромный зал со сводчатым потолком и великий маг в покрытой звездами мантии на высоком троне. Ничего этого не было, ни зала, ни трона, ни мантии. Маг сидел за небольшим деревянным столом, откинувшись в глубоком кресле, и задумчиво смотрел на языки огня, пляшущие в камине. Над камином висел портрет молодой женщины невиданной красоты, застывшей в танце. Женщина была явно восточного происхождения, с огромными черными глазами, с черными же как смоль, волнистыми волосами. Не знаю, что за художник ее писал, но написал гениально! Он сумел подметить и запечатлеть именно тот момент, когда женщина полностью отдалась музыке, ритму, очарованию танца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.